

ИРИНА ИЗМАЙЛОВА

ГЕРОИ ТРОИ

Подвиги Ахилла

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Время героев

Ирина Измайлова

Подвиги Ахилла

«ВЕЧЕ»

2012

Измайлова И. А.

Подвиги Ахилла / И. А. Измайлова — «ВЕЧЕ», 2012 — (Время героев)

ISBN 978-5-4444-9245-1

К молодому русскому историку случайно попадают некие древнегреческие свитки, которые в итоге оказываются сокровищем! Это — ранее неизвестные записки современника, а возможно, даже участника легендарной Троянской войны. В первых свитках говорится о знаменитом Ахилле, и все это не похоже на миф, ведь древний рассказчик уверяет, что воспитателем будущего героя — Ахилла, Пелеева сына, — стал отнюдь не кентавр, а мудрец-отшельник. С этим наставником Ахилл изучал историю, иноземные языки, искусство боя и основы врачевания, а последнее особенно пригодилось позднее, под стенами Трои, на покорение которой Ахилл отправился еще мальчиком. Пелеев сын сражался так, что одним своим именем наводил ужас на врагов, но главным его деянием стало не проявление воинской доблести, а подвиг милосердия.

ISBN 978-5-4444-9245-1

© Измайлова И. А., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Часть 1. Ученик кентавра	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Часть 2. Осада	36
Глава 1	36
Глава 2	39
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Измайлова

Подвиги Ахилла

© Измайлова И.А., 2012

© ООО «Издательство „Вече“», 2012

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Часть 1. Ученик кентавра

Глава 1

Лес постепенно отступал, уступая несильной крутизне склона. Все реже стояли буки и вязы, оплетенные буйно цветущими выюнами, жимолость и кипарисовый кустарник рассыпались на редкие кущи, сменяясь колючими чащами кизила, за которыми желтели вызолоченные солнцем прогаины и на них – редкие низкорослые сосны. Теплые плоские камни подставляли ладони мхам и лишайникам. Воздух к полудню нагрелся и дрожал, сладкий от цветов и пряный от сосновой смолы.

Тропа, выбитая копытами коз и газелей, то пропадала среди кустов, то вновь появлялась, изгибаясь меж широких плоских камней, запятнанных разноцветными лишайниками, то вырывалась на свободное пространство и тогда становилась еле различимой на плотной, обметенной ветрами земле пологого склона.

По тропе, вместе с нею взбираясь все вверх и вверх, шли два мальчика. Оба в коротких светлых туниках, подпоясанных плетеными ремнями поясами, в сандалиях с высокой шнуровкой, каждый – с луком и колчаном за плечами. У пояса, в кожаных ножнах, болтались ножи с рукоятью из рога дикой козы и небольшие тростниковые плетенки.

У того, кто шел первым, лук был настоящий, взрослый, мощный и тугой, у второго – детский, с более тонкой тетивой и легкими, короткими стрелами. Из него можно было, пожалуй, сбить на лету горлицу или перепелку, но вряд ли стоило целиться в более крупную дичь.

Первый мальчик казался старше своего товарища – он был ростом с тринадцатилетнего подростка, широкоплечий, мускулистый, но вместе с тем гибкий, как пантера. У него была твердая мужская походка и при этом почти бесшумный шаг охотника. Свой тяжелый лук он нес легко, будто не чувствуя его веса. Выдавало мальчика лицо – румяное, пухлое, окруженное крутыми волнами черных как уголь волос, и взгляд больших светло-карих глаз, совершенно детских, широко раскрытых, радостно и удивленно смотревших то на порхающих меж кустов больших разноцветных бабочек, то на изумрудных ящериц, гонявшихся друг за другом по плоским камням. Казалось, мальчику больше всего хочется свернуть с тропы и кинуться их ловить. Ему было чуть больше семи лет, и он вовсе не старался притворяться взрослым, просто так получилось, что все время приходилось быть взрослее, чем ему хотелось...

Его товарищу, тому, кто шел позади, не дали бы ни больше ни меньше его одиннадцати лет. Это был худощавый подвижный мальчишка, с круглым веселым лицом в веселых рыжих веснушках. Каштановые волосы курчавились вокруг головы большим облаком, совершенно не подчиняясь тонкому ремешку, которым он их пытался подвязать. Серые озорные глаза улыбались, и с розовых, немного потрескавшихся губ тоже не сходила улыбка. Он нес ивовую плетенку, от которой исходил нежный медовый аромат, привлекая диких пчел – они то и дело по двое, по трое подлетали и вились вокруг сумки, заставляя несущего ее отмахиваться с притворным испугом.

Мальчики прошли уже немало, и если того, кто шел впереди, дорога совершенно не утомила, то его товарищ начал уже спотыкаться на некрутом склоне. Наконец он не выдержал.

– Ахилл, послушай! – окликнул он друга. – Может, отдохнем? Можно посидеть в тени, выпить молока и съесть по медовой лепешке. Не то пчелы скоро съедят меня!

Младший остановился и обернулся с виноватым видом, только теперь сообразив, что его друг, наверное, устал...

– Патрокл! – Голос у него тоже был детский, звонкий и высокий. – Ну, Патрокл, теперь ведь совсем близко... Мы уже почти пришли. Там течет ручей, и мы сможем умыться, когда

поедим. А то вымажемся медом, и будут к нам лезть не только пчелы, а и все мухи! Мы выкупаемся. А потом я тебе покажу все места, где я ставил силки, и барсучьи норы, и озеро, где я стреляю гусей. И когда я буду жить там – ну, в горах... ты сможешь охотиться без меня.

Эти слова погасили веселую улыбку Патрокла. Ему стало грустно.

– Да... Ведь уже скоро! А это далеко, Ахилл, да? Та пещера, в которой ты теперь будешь жить?

Младший пожал плечами.

– Да нет, не очень. Я и сам ведь там еще не был... Отец говорит, мы поедем туда после праздника Диониса. Я буду приходить вниз на все праздники и состязания, и просто к отцу. И к тебе... И ты, наверное, сможешь иногда приходить ко мне.

Патрокл содрогнулся.

– Приходить туда? Туда? К кентавру?!

Ахилл засмеялся.

– Да нет же! Отец сказал, что Хирон вовсе никакой не кентавр. Просто он живет один, и его лет сто никто не видел... – И, подумав, для надежности добавил: – А если и кентавр, то что? Говорят, они тоже бывают добрые...

Старший мальчик вздохнул и поднял опущенную было на землю плетенку.

– Пойдем. Знаешь, Ахилл, даже если он кентавр, даже если он злой, я все равно буду к тебе ходить. Честно. Ты же будешь там скучать?

– Буду.

Еще некоторое время они шли молча, вверх и вверх по некрутому склону. Патрокл задумчиво отгонял рукою пчел, все так же атаковавших его плетенку.

– Слушай, Ахилл! – наконец не выдержал он. – Отчего все-таки твой отец тебя туда отправляет? Отчего отдает на воспитание кентавру... ну, ладно, не кентавру, ну... этому старику, которого никто не видел? Так хотела твоя мать, да?

Младший слегка шмыгнул носом.

– Откуда я знаю, чего она хотела? Я ее так и не видел. Отец так говорит... Говорит, так нужно, чтобы меня всему научить. А может, он меня боится, вот и отправляет...

Маленький Ахилл был бы рад не произносить слов, которые у него вдруг вырвались, но он не умел ни врать, ни притворяться. Совсем не умел, и уже стал понимать, что научиться этому труднее, чем метанию копья или верховой езде...

Но Патрокл слишком хорошо его знал. Он не стал ни удивляться, ни спорить.

– И я об этом думал, – с недетской серьезностью сказал он. – Ему все говорят, что ты слишком сильный и совсем ничего не боишься. Все говорят, что ты можешь... можешь...

– Могу вырасти страшный-страшный и стану всех убивать, потому что не знаю своей силы! – закончил Ахилл мысль друга. – Отец тоже так думает, хотя мне не говорит. Он боится. И я боюсь. А Хирон... про него так говорят, он может научить... ну, чтобы я не вырос такой страшный, чтобы у меня все было нормальное. Понимаешь?

– У тебя и так все нормальное, – обиделся за друга Патрокл. – Ты же никому ничего плохого не делаешь! Я вот тебя несколько не боюсь. Ни капельки!

– Спасибо. Но это только ты...

Он грустно вздохнул, а Патрокл вдруг расхохотался. Когда он смеялся, смеялись все его золотистые курчашки и все веснушки.

– Вот еще, тебя бояться! Вот дураки! Наоборот – это с тобой я никого не боюсь! Ахилл, а, может, я тоже вырасту очень сильный? Ну, не такой, как ты, но сильный-сильный? Как ты думаешь?

– Конечно, вырастешь! – убежденно проговорил мальчик. – И мы с тобой будем самые знаменитые богатыри, и...

За этим разговором они прошли еще немного, и за густыми зарослями, показавшимися по другую сторону широкой каменистой прогалины, действительно послышалось тихое журчание ручейка.

– Пришли! – с облегчением воскликнул второй мальчик и, взмахнув плетенкой, рванулся вперед, собираясь опередить своего друга.

Но тот вдруг остановился и так резко схватил товарища за руку, что Патрокл едва не упал. И тут же увидел, как мгновенно изменилось лицо Ахилла – беззаботное детское выражение разом исчезло, взгляд стал жестким и сосредоточенным, губы слегка сжались.

– Что? – сразу перейдя на шепот, спросил Патрокл.

Ахилл не отвечал, всматриваясь и вслушиваясь, напряженно застыл на месте. Он определенно что-то видел в колыхании ветвей и мелькании солнечных пятен среди кустов, и его острый слух уже уловил какие-то необычные звуки среди журчания воды, птичьих голосов и шороха листьев. Но больше всего ему, кажется, сказал воздух: ноздри мальчика расширились, дрогнули, как у охотничьего пса, и тотчас рука скользнула к плечу, к жесткому изгибу лука.

– Встань позади меня, Патрокл, – твердым, совершенно взрослым голосом произнес он.

– Что там, Ахилл, а?

– Лев¹, – не поворачивая головы, ответил тот. – В овраге, возле родника.

Краска сошла с веснушчатых щек Патрокла. На миг потеряв голову от страха, как любой ребенок при упоминании страшного зверя, он тут же сам вцепился в локоть товарища.

– Бежим! Бежим скорее!

Ахилл снял лук с плеча и спокойно, тоже по-взрослому, качнул головой.

– Тогда он нападет на нас сзади. Он нас уже не отпустит. Смотри!

За пыльными, серо-зелеными ветвями кизила мелькнула и задвигалась большая желтая масса. Острый запах хищника, который первым уловил своим тонким обонянием Ахилл, теперь достиг и ноздрей Патрокла. В кустах справа зашуршало, треснула ветка, и две птички с писком выпорхнули из ветвей и пронеслись над поляной. Ахилл быстро повернул голову в сторону, его рука тверже стиснула лук, тогда как другой рукой он уже вытаскивал стрелу из колчана.

– Лукавый Пан!² – сквозь зубы процедил он. – Точно... Лев там не один! С ним львица. Тут уж точно не убежишь! Стой ближе ко мне, Патрокл, очень тебя прошу!

Как ни странно, страх Патрокла вдруг прошел. То ли на него подействовало спокойствие друга, то ли, что вернее, на смену ужасу пришло оцепенение. Поняв, что гибель неотвратима, он собрался с духом и, зная, что от его маленького лука не будет никакой пользы, вытащил нож.

Между тем Ахилл наложил стрелу на тетиву и спокойно ждал. Он уже отчетливо видел просвечивающую сквозь ветви кустов желтую шкуру зверя, своим необычайно острым слухом различал его дыхание. И по тому, как лев внезапно замер, понял, что хищник сейчас прыгнет на них.

За кустами раздался треск, сквозь ветви прорисовалась огромная голова, окруженная облаком черной гривы, – и в тот же миг Ахилл спустил тетиву. Он понимал, что стреляет рано, не дав зверю показаться целиком, и потому рискует не попасть, куда нужно. Но знал он и другое: львица не даст ему ни секунды промедления. Раздался оглушительный рев, и лев взвился вверх на десяток локтей, одновременно бросившись вперед. Но рев оборвался глухим воем – и вот уже огромное тело корчится на земле, на том месте, где только что стояли мальчики. Шея хищника была насквозь пробита стрелой.

---

¹ В описываемую эпоху на территории Древней Греции водились львы и леопарды, позднее там исчезнувшие. (Здесь и далее примечания проф. А.Г. Каверина.)

² Пан – лесное божество, один из древнейших богов древнегреческого пантеона. Изображался получеловеком с козлиными ногами и рогами. Считался покровителем леса и лесных духов, зачастую враждебных человеку. Внушал ужас, считалось, что он умеет ловко строить козни людям (отсюда пошло выражение «панический страх»).

В последнее мгновение Ахилл оттолкнул Патрокла назад и сам отпрянул от падающей на них громадины. Одновременно мальчик бросил лук, отлично понимая, что не успеет наложить новую стрелу, и выхватил из висевших на боку ножен большой охотничий нож – справа, из оврага, гигантскими скачками летела львица. Она видела, что лев поражен насмерть, и думала уже не о добыче, на вид такой легкой и слабой, – ей надо было отомстить.

Патрокл закричал от ужаса, увидав, что его товарищ кинулся навстречу разъяренному зверю. Вот львица прыгнула на него. Мимо! Мальчик успел увернуться. Еще прыжок. Опять мимо! Тогда львица отступила и пошла по кругу, обходя охотника со спины. Тот сделал обманное движение, будто хотел уклониться, и вдруг сам подпрыгнул. Его легкое тело взвилось почти так же высоко, как только что взлетел над землей лев. Ошеломленная хищница ничего не успела понять. Маленький враг обрушился ей на спину, левой рукой вцепился в ухо, а правой нанес один за другим два стремительных удара. Рев перешел в хрипение, и вдруг львица умолкла и, вытянувшись, разом застыла на земле, только задние лапы еще подергивались в конвульсиях. Из двух ран на левом боку тонкими полосками выбивалась почти черная кровь.

Ахилл, переводя дыхание, подбежал к Патроклу. Тот стоял, стискивая в потном кулаке нож, дрожа с ног до головы. Он еще не понимал, что все кончилось.

– Эвоэ!³ – крикнул победитель, в восторге потрясая ножом, окровавленным по самую рукоятку. – Эвоэ! Я их убил!

Но лев-самец был еще жив, хотя стрела Ахилла и пробила ему сонную артерию. Он перестал выть, приподнялся на передние лапы, с трудом повернув тяжелеющую голову, посмотрел на свою мертвую подругу – и тихо застонал. Не замечая застывших на месте мальчиков, зверь страшными усилиями проволочил свое уже одеревеневшее тело на два десятка локтей, дополз до распростертой львицы и с тем же мучительным воплем опустил голову на ее морду. Окровавленный язык тихо лизнул остановившиеся глаза. По громадному телу зверя прошла сильная судорога, и он тоже замер, будто обнимая передними лапами львицу.

– Ты их убил! – вдруг осознал происшедшее Патрокл. – Ты один убил и льва, и львицу, мой Ахилл! Ты – самый великий охотник в мире! Ты – как Геракл!

Он плясал от восторга, размахивая руками, будто обезумев от только что пережитого потрясения и нахлынувшей затем радости.

Но Ахилл стоял неподвижно. Он смотрел на львов, и его не по-детски широкие плечи начинали все сильнее дрожать. Наконец он расплакался, уже не сдерживаясь, мгновенно снова став семилетним ребенком.

– Что с тобой? – вновь испугался Патрокл.

– Ничего.

Он подошел к побежденным хищникам и тихо провел ладонью по косматой гриве мертвого льва.

– Тебе их жалко? – спросил, подойдя к нему Патрокл. – Но они бы нас убили и сожрали.

– Да. А как ты думаешь, люди могут так же любить друг друга?

– Я не знаю...

– Не могут, наверное. По... пойдём к ручью. Смотри, сколько на мне крови. Мухи будут лезть. Идем...

* * *

Михаил оторвался от исписанного мелкими строками желтого, как медовая лепешка, пергамента, и в полном ошалении уставился на турка, все так же невозмутимо сидящего на нескольких старых газетах, в классической турецкой позе, со скрещенными ногами.

---

³ Эвоэ – возглас торжества, радости победы, приветствия.

Турок был тоже абсолютно классический – небольшой, крупно-курчавый, коричневый, как мулат. Разве только одетый не в шальвары и феску, а в обычную клетчатую рубашку с погончиками и довольно новые джинсы. Одна сандалия была у него на ноге, другая валялась в стороне, и он почесывал зажигалкой босую ступню.

На газете перед турком были небрежно разложены какие-то безделушки и еще четыре тугих пергаментных свитка, таких же, как тот, что Миша растерянно вертел в руках.

Молодой человек еще раз пробежал глазами по строкам пергамента. Да, это был настоящий древнегреческий язык, хотя и явно более интересный, чем тот, что он изучал на кафедре. В нем было как будто больше слов, обороты и фразы были красочнее и богаче привычных. Но он был узнаваем, а главное – пергамент, при всей своей потрясающей сохранности, явно был очень-очень древний – уж что-что, а различать подлинность документов профессор Каверин умел и учил тому же всех своих студентов.

Михаил огляделся. Вокруг жужжал южный город, полный пыли, соленого морского запаха, зноя, автобусов всех цветов, видеокамер, полароидов и прочей атрибутики туристов. И среди всего этого нудного современного хаоса сиял золотом развернутый лист никому не ведомого сказания, в котором упоминались имена героев одного из самых знаменитых сюжетов мировой мифологии...

Миша Ларионов закончил истфак Петербургского университета три года назад. Будучи талантливым и упрямым, защитил один из лучших дипломов и почти сразу поступил в аспирантуру. И женился. Аня, девушка, о которой он мечтал с первого курса, тоже была небогата. Миша жил с матерью в двухкомнатной квартире, у Ани были отец и мать, но плюс к тому – брат и две сестры. И все семейство обитало в трехкомнатной хрущобе. Правда, Анюте от умершей бабушки осталась большая комната в коммуналке.

Мать Михаила, не раздумывая, сказала сыну: «Будем меняться!» Из двухкомнатной квартиры и Аниной комнаты вышли с грехом пополам две однокомнатные квартиры, и молодые обрели желанную независимость. Миша верил, что сможет учиться и подрабатывать в школе, а Аня до поры станет растить ему наследника, а продолжение карьеры оставит на потом. Она была с этим вполне согласна.

Гром грянул, когда на пятом месяце Аня пошла на УЗИ. Вернувшись, она расплакалась и несколько раз повторила: «Как же мы проживем-то?» – «Что с тобой? – недоумевал Миша. – Что у тебя там такое?» Она всхлипнула и выговорила слово, повергшее мужа в шок: «Тройня!»

Да, наследников оказывалось двое, плюс еще и наследница, и при таком раскладе аспирантура и учительские гроши становились чистым самоубийством...

Выход предложил бывший Мишин сокурсник Витька Сандлер, отчислившийся некогда с четвертого курса и уже несколько лет успешно работавший «челноком».

– Не ломай голову! – сказал он уверенно. – Ты же не лох. Поработай со мной, почелночничай. Годика за три заработаешь и на более приличную квартиру, и на прокорм своих тройняшек. Ну а пойдут они хотя бы в садик, Анька на работу устроится, и ты сможешь опять в своей аспирантуре звезды с неба рвать. А может, тебе понравится наш бизнес. Знаешь, вовсе не так плохо.

Миша, понимая, что иного выхода нет, согласился.

И в самом деле: поездки в ослепительный курорт Анталия на Средиземном море, где у Витьки были налажены все нужные контакты, стали приносить очень неплохой доход.

Кожаные куртки, джинсы, майки, сувениры, значки, белье и косметика, – чего только они ни везли на ненасытный «сэкондхэндковский» рынок, чем только ни заполняли подвальный-магазинчик на Васильевском, палатку на «Звездной» и раскладушки на одном из купчинских перекрестков! Витька знал в этих местах со всеми бандитами и всегда видел, кому и сколько нужно заплатить, чтобы с их товаром или доходом не случилось ничего худого...

Очень скоро и Михаил стал отлично разбираться во всех этих тонкостях. С иными бандитами он даже подружился, и это сэкономило и ему, и Витьке не одну сотню баксов, так что Сандлер сильно заужал своего напарника.

– Да ты же прирожденный бизнесмен, Майкл! – восторгался он. – Ну и на кой хрен тебе возвращаться в твою аспирантуру и продолжать гранитогрызение науки во имя грядущих двух-трех тысяч деревянных в месяц?! Давай раскручиваться дальше и откроем с тобой свою фирму! Такие бабки станем делать, что все академики мира будут перед нами прогибаться!

Но Мишу, как ни внушал он себе, что его занятие не так уж скучно, а, напротив, увлекательно и познавательно, челночная стезя тяготила все больше. Великие планы Сандлера казались невыносимо смешными, а кличка Майкл раздражала куда сильнее, чем некогда в университете.

Стопки книг, сложенных на подоконнике, возле запыленного рабочего стола, звали к себе и безмолвно, грустно упрекали.

Он понимал, что оставить торговлю удастся не скоро. Тройняшки росли, но не «по дням, как по часам», а как им полагалось – степенно и поэтапно. О том, чтобы Аня устроилась работать, пока что не приходилось и мечтать. Правда, квартиру, однокомнатную на трехкомнатную, они поменяли уже на второй год – взяли на первом этаже и в непрестижном районе, зато теперь, приезжая домой, Михаил забирался в свой собственный крохотный, девять квадратных метров, кабинетик, вытаскивал из стопки какой-нибудь том, перелистывал его и мечтал. Он знал: должно что-то произойти – что-то, что прервет его осточертевшее подвижничество и возвратит в тот, уже далекий и желанный, мир, где жили тени великого и неразгаданного прошлого, где он мог и должен был сам что-то открыть и отыскать. И только в этом мире он станет достоин любви Анны и всей пока что ничего не смекающей троицы: Сашки, Алешки и Нинки...

И вот теперь, казалось, это что-то произошло, происходило. Турок в одной сандалиии, пыльные газеты, и эти свитки пергамента, лежащие на них, будто какие-то дешевые побрякушки, на которые нет-нет да покупались шатающиеся по душным улочкам туристы...

– Что это? – Михаил ткнул пальцем в пергамент. – Откуда?

Турок заулыбался, видя, что его «товар» явно произвел впечатление.

– Письма какие-то, – он пожал плечами. – Отец в подвале находил. Говорил – еще дед видел, и прадед видел, и еще прапрадед видел... Наш дом старый-старый. Письма какие-то старые, язык непонятный. Отец говорит – кто-то когда-то привез из одной крепости...

Английский язык у него был еще тот. Миша едва разбирал эти сливающиеся друг с другом фразы.

– Лежат-лежат, а мне они зачем? – турок развел коричневые ладони в стороны. – Вот, продаю. А никто не покупает. Ты купишь?

Мише стоило большого труда взять себя в руки. Сработала уже укоренившаяся привычка «челнока» – не показывать, насколько тебе интересен товар.

– Я бы взял, – сказал он, небрежно вертя в руках драгоценный свиток. – Сколько?

– Доллар, – назвал турок цену, от которой Ларионов едва не рухнул на землю (За ЭТО доллар?! За ЭТО?!). – Ты один берешь или сколько?

– Пожалуй, все пять, – стоически сохраняя то же небрежное спокойствие, ответил Михаил.

И тут турок улыбнулся:

– Это здесь пять. А дома у меня их еще много.

– Сколько?

– Целый сундук, – он сунул зажигалку в нагрудный карман и потянулся босой ногой за своей сандалией. – Я считал – пятьсот сорок их там. Было пятьсот сорок пять, я пять продал. Сколько берешь?

– Я все взял бы, – не раздумывая, сказал Ларионов. – За доллар штука, пожалуй, можно... Только мне надо нанять носильщика. Все самому не унести. Где это у тебя?

– Там, – коричневый палец ткнул в глубину улицы. – Близко. Я тут живу. А деньги есть?

Ларионов вытащил бумажник и показал несколько сотенных. Тогда продавец лениво встал и стал заворачивать в грязные газеты свитки и безделушки, едва скрывая за восточной невозмутимостью отчаянную радость – никому не нужный товар вдруг нашел покупателя, да еще такого глупого, что он готов взять эту ерунду всю сразу!

– Только я посмотрю, что там! – спохватился Михаил. – Может, они все одинаковые – во всех одно и то же. Тогда мне это ни к чему.

Ужаснувшись этой мысли, он тут же отнял у турка второй свиток и поспешно его развернул. И понял, что какой-то невероятный случай подсунул ему сразу же именно начало повествования. На том свитке, который он читал вначале, было написано в левом верхнем углу: «первая». (Что «первая»? Страница, глава? Никаких наименований над текстом он не нашел...) Следующий свиток тоже оказался пронумерован, на нем было написано «третья».

«Может, они там, в сундуке этом, лежат не совсем по порядку, или совсем не по порядку? Турок говорит, что уже продал пять. Вот жалость!»

Эта мысль не вошла в сознание, а пронеслась сквозь него. Глаза молодого историка вновь скользили по ровным и мелким черным строчкам, и его душа исчезала из душного пахнущего бензином мира и летела в бездонную дыру времени, за которой...

Глава 2

Хаотические груды гигантских камней и выступающие из них мощные монолитные скалы как бы раздвинулись (казалось, что их раздвинули чьи-то чудовищные руки) и образовали неширокий проход, круто идущий вверх. Он тоже представлял собою каменное нагромождение, но здесь камни, плоские, точно специально обтесанные, образовывали подобие титанической лестницы.

Нужно было сделать очень большой шаг, чтобы переступить с одной ступени на другую, и, поднимаясь по ней, Ахилл вновь вспомнил, как пять лет назад одолевал этот подъем впервые. Ему приходилось не шагать, а вспрыгивать на каждую ступень, ширины шага не хватало. Шедший впереди отец не оборачивался, и мальчик больше всего боялся, что отстанет от него. Почти на самом верху Пелей остановился и через плечо наконец глянул на слегка запыхавшегося сына. Его строгое лицо, обрамленное пепельным венцом седеющих волос и узкой полоской коротко подстриженной бороды, выразило удовлетворение.

– Ты справился с этим подъемом, мальчик! Хорошо...

Теперь Ахилл шагал по гигантским ступеням легче и увереннее, чем тогда его отец, царь мирмидонцев Пелей. В двенадцать лет он был ростом со взрослого мужчину, а его сложенному и могучим мускулам завидовали лучшие атлеты Фтии.

Мальчик поднимался, неся на спине тушу огромного кабана. Она свисала до земли, и страшные изогнутые клыки секача царапали камень. Ахилл придерживал свою ношу левой рукой, в правой неся лук и копье. Колчан, в котором оставалось пять-шесть стрел, болтался у него на локте.

Это не была обычная охота. До того ему случалось много раз охотиться на диких свиней, и он нередко убивал матерых кабанов, но сейчас был особый случай.

Навещая отца и родню и затем возвращаясь в жилище Хирона, Ахилл всегда проходил через несколько селений, расположенных неподалеку от Азенского ущелья и гор, среди которых жил его старый учитель. Селяне тех мест, как и все жители Фтии, много слыхали о сыне царя Пелея, а за эти годы привыкли к красивому мальчику, так рано возмужавшему, и полюбили его за постоянное дружелюбие, полное отсутствие заносчивости и какую-то задумчивую веселость. Пахари и пастухи нередко приглашали Ахилла к своим очагам, угощали лепешками и плодами смоковницы, а то и глотком вина из тыквенной бутылки, посвящали его в свои заботы, иной раз просили о чем-то, чего им самим было не сделать: однажды он, почти играючи, выворотил камень, засевший посреди пахотного участка, и выбросил в соседний овраг, в другой раз напугал до смерти и выгнал из этих краев нескольких беглых рабов, надумавших промышлять кражей коз и овец и пару раз напавших на местных женщин, а однажды зимой перестрелял дюжину волков, повадившихся резать здешний скот, поскольку другой дичи в холодное время становилось мало.

И вот в последнее время ему уже несколько раз с ужасом рассказывали о стаде диких свиней, беспощадно уничтожавших в окрестностях посевы ячменя и чечевицы, которыми только и кормились селяне. Вожаком стада был невероятных размеров секач, свирепый, как бешеный волк. Он уже много раз нападал на людей и убивал всех, кто попадался ему на пути. Нескольких охотников, что пытались его подкараулить, жуткий зверь разорвал в клочья своими клыками. Бедные землепашцы стали бояться выходить из дому, и, как водится, кто-то вскоре пустил слух, что это вовсе не кабан, а мстительный лесной дух, посланный преследовать и убивать людей за то, что те уничтожили многих диких зверей.

Ахиллу тотчас вспомнился пятый подвиг Геракла – истребление Эриманфского кабана⁴. Он давно знал от Хирона обо всех подвигах величайшего из ахейских⁵ героев, и в глубине души ему, как всякому мальчику, хотелось совершить что-то подобное. Но в отличие от других мальчиков он при этом знал, что его силы позволяют мечтать о таких подвигах всерьез.

Посреди ячменного поля, где, по словам селян, проклятое стадо появлялось уже несколько дней подряд, росла группа деревьев. На одном из них Ахилл и устроил засаду. Он вооружился копьем, луком, тремя дюжинами стрел и терпением, которого у него, когда надо, всегда бывало достаточно.

Ему пришлось дежурить почти сутки, пока свиньи не явились на свой пир. Мальчик насчитал шесть самок, четырнадцать поросят, двух подростов кабачиков и, наконец, увидел замыкавшего строй гиганта – действительно чудовищного по размерам вопреки с такими злобными красными глазками и такими невероятными клыками, что и взрослому мужчине захотелось бы при виде его затаиться и не выдать своего присутствия.

Но Ахилл даже не подумал о том, что это страшно. Он думал о том, как бы остаться незамеченным, покуда кабаны не подойдут поближе. Ему везло: ветер уносил его запах и свиньи, ничего не подозревая, вскоре принялись жрать еще зеленый ячмень прямо под тем деревом, в развилке которого сидел юный охотник. Мальчик преспокойно уложил стрелами одну за другой четырех свиней, обоих кабачиков и штук восемь поросят, покуда до зверей дошло, откуда их настигает смерть. Они кинулись прочь, и стрелок испугался, что убежит и секач, до того державшийся на расстоянии, охраняя свое семейство.

Но секач не обратился в бегство. Напротив – он заревел, как настоящее сказочное чудовище, и бросился к дереву. Громадные клыки врезались в ствол с такой силой, что дерево зашаталось. Но свалить мощный старый граб было не под силу даже такому могучему зверю. Трудно сказать, понимал ли это вопреки – он, будто безумный, вновь и вновь атаковал убежище своего врага, и Ахилл мог бы за это время преспокойно вогнать в него пять-шесть стрел.

Однако что-то будто толкнуло мальчика изнутри. Нет, он хотел не этого. Поединок! Он давно мечтал о поединке именно с таким страшным противником. Почти не раздумывая, Ахилл отбросил оружие и соскочил на землю перед самой мордой чудовища.

Дикий рев на мгновение оглушил его. Косматая туша с изогнутыми желтыми клыками рванулась вперед – казалось, теперь даже каменная стена не остановит вопреки. Но клыки встретили пустоту. Мальчик взлетел в воздух прямо перед вспененной мордой кабана словно кошка, перевернулся в воздухе (этому он научился совсем недавно) и сел верхом на его загривок. Правой рукой он охватил мощную шею, левой сжал нижнюю челюсть зверя, как раз под кривыми лезвиями клыков. Есть! Теперь упереться ногами в землю и вложить всю силу в рывок... А если силы не хватит?

Чудовищная масса железных мышц и бешеной ярости дернулась, стремясь сбросить наездника. Но было поздно. Раздался хруст, новый, на этот раз короткий рев, перешедший в визг, затем в хрип, и кабан-убийца в судорогах покатился по земле. У него была сломана шея.

Потом селяне долго разглядывали мертвое чудовище и говорили мальчику, что он – новый Геракл, что ему нет равных в Ойкумене⁶, и еще много-много всего... А сам Ахилл думал, что это никакой не подвиг, что, конечно, этому кабану далеко до Эриманфского чудовища, и Геракл, наверное, убил бы его просто ударом кулака...

---

⁴ По греческому преданию, чудовищный Эриманфский кабан наводил ужас на одну из областей Греции, истребляя посевы и нападая на людей. По приказу царя Эврисфея Геракл, вынужденный служить ему, поймал кабана и притащил царю. Испуганный Эврисфеем спрятался от чудовища, и Геракл принес его в жертву.

⁵ Ахейцы – название одного из греческих племен, распространившееся среди окружающих Древнюю Грецию народов на всех греков. Очень часто так именовали себя и сами греки.

⁶ Ойкумена – по представлениям древних греков, населенная земля, окруженная пустынной, необитаемой сушей, обтекаемой кругом океаном.

Но чувство торжества и победы все же сияло в душе мальчика, и он, оставив свиней и поросят счастливым селянам, вепря забрал с собой, решив, что покажет его учителю и, возможно, услышит похвалу.

Каменная лестница дошла до расщелины, завершавшей ущелье. Здесь нагромождения глыб кончались и подъем вдруг переходил в совершенно ровную поверхность, покрытую землей, обильно заросшую травой и кое-где невысокими кустами. Отдельные куши низеньких сосен и пихт лепились по краям небольшого плато, одна кромка которого резко обрывалась, будто отсеченная гигантским топором, две другие стороны были окружены все теми же каменными скалами, а четвертая упиралась в почти отвесную стену гранитного кряжа, не слишком высокую, но на вид совершенно неприступную.

Ахилл отлично знал, как на нее подняться, но ему это было сейчас совершенно не нужно. Он шел прямо к гранитной стене, однако взбираться туда не думал.

В одном месте с края верхнего плато обрушивался водопад. Он низвергался широким сверкающим занавесом, образуя внизу облака водяной пыли, и дальше бурный поток ошалело мчался вдоль стены, подбегал к обрывистой кромке и кидался с нее в бездну.

Со стороны казалось, что к водопаду опасно подходить близко. Но Ахилл спокойно приблизился к ослепительным струям и, ступив на плоские гранитные камни, вошел в пространство между водяной и гранитной стенами и оказался перед входом в пещеру. Отверстие было достаточно широким и высоким, и мальчик вступил в него, не пригибаясь, свободно пронеся свою громоздкую ношу. Рыжая лохматая собака выскочила ему навстречу из темноты и завертелась у ног, радостно повизгивая и возбужденно нюхая свисающую до земли кабанью тушу.

– Привет, Рута, привет! Не крутись под ногами, не то я отдавлю тебе лапу или хвост! – смеялся Ахилл.

Он уверенно шел по темному проходу, который, уходя в толщу скалы, постепенно расширялся и становился все светлее. В конце концов этот проход завершился настоящим залом: локтей шестьдесят в длину, сорок в ширину и не меньше тридцати в высоту. Свет проникал сюда через два небольших отверстия: одно располагалось сбоку, другое – почти в центре свода. Под этим отверстием, в выемке каменного пола, светлело круглое озерцо, с такой чистой и прозрачной водой, что если бы не дрожащие на поверхности блики света, его можно было бы не заметить. Из бокового отверстия стекали, рассыпаясь и блестя, как бисер, тонкие водяные струйки, которые, достигнув каменного пола, обращались в тихо лепечущий ручеек, исчезающий под выступом скалы. В дальнем конце огромного грота вновь сгущалась темнота. Там начинался еще один подземный коридор, за которым – Ахилл это знал – была вторая пещера.

С левой стороны свод грота поддерживали два громадных столба. Учитель объяснял Ахиллу, что их за сотни и сотни лет сделала вода: размывая камень, она роняла на пол его частицы, они слипались, срастались, а сверху образовывались наросты, состоящие из таких же постепенно твердеющих частиц, и вот они соединились с наростами на полу и образовались эти могучие колонны.

– Здравствуй, учитель! – проговорил мальчик, скидывая на пол тушу кабана и оглядываясь.

– Здравствуй, Ахилл.

Старый Хирон сидел на грубой деревянной скамье возле очага, сложенного в правой части пещеры. В левой, между столбами, были устроены лежанки и стояла еще пара скамеек и два простых сундука – все имущество старика-отшельника.

Хирон отложил медный прут, которым перемешивал тлеющие в очаге угли, и неторопливо встал. Он был высок ростом и нисколько не горбился, в сухощавой фигуре сохранились стать и гибкость. Лицо давным-давно иссекли морщины, но, казалось, ветра, много лет овевавшие его, сглаживали эти морщины, выгладили их, как острые выступы древней скалы. Загар на коже был уже вечным, ровным, темным, и лицо старика, окруженное сиянием совершенно

белых, густых и длинных волос, выглядело кованой бронзой в обрамлении мрамора. Бороду он брил начисто, привыкнув к этому в молодости и не изменив этой привычке, поэтому ничто не скрывало его тонких и резких черт, крепкого, выступающего вперед подбородка, небольшого, выразительно сжатого рта. Глаза у Хирона были голубые, светлые и чистые, как у мальчика, спокойные, постоянно обращенные будто внутрь себя. И вместе с тем, когда он смотрел прямо перед собой, казалось, что он видит очень далеко, куда дальше, чем может увидеть обычный человек.

– Так ты убил вепря, который не давал жить здешним селянам? – спросил старик, с почти незаметной улыбкой глядя на бурую глыбу громадной туши, вокруг которой с визгом крутилась рыжая Рута.

– Я свернул ему шею, – сказал мальчик, стараясь говорить как можно сдержаннее, с достоинством взрослого мужчины. – И почти всех свиней с поросятами я тоже перестрелял, учитель. Теперь пахари и виноградари могут никого не бояться.

– Так ли уж никого? – голос отшельника не выдал насмешку, но она едва уловимо промелькнула в его глазах. – Не часто ли мы с тобою убеждались, что человеку нельзя думать, будто он в безопасности?

Взгляд Ахилла тут же скользнул к левой стене пещеры. Над лежанками, будто ковер, висели штук двадцать волчьих шкур. Такие же шкуры покрывали сами лежанки, расстилались возле них на полу. Густой зимний мех, мягкий и пушистый, хорошо грел студеными зимними ночами.

Почти все эти шкуры появились здесь три года назад, и мальчик хорошо помнил тот день.

Глава 3

К тому времени он жил в горной пещере со своим старым учителем два года, отлучаясь на состязания и праздники в город, но большую часть времени проводя здесь.

За это время он уже очень многому научился.

Хирон рассказывал ему историю мира, так, как о ней принято было говорить, неизменно добавляя, что во многих других землях ее считают другой, но тем не менее какие-то представления сходятся у всех, а значит, есть зерно истины в этих отрывочных знаниях людей о рождении Земли.

Старик побывал во множестве стран, видел не только всю Ойкумену, но посещал и места далекие и не ведомые никому, знал о племенах и народах, с которыми не общались ни ахейцы, ни египтяне, ни персы, о которых почти никто ничего не слышал, но у иных из них тоже была богатая и древняя история.

Хирон пересказывал мальчику предания об известных героях и подвигах, говорил о старинных городах разных стран и их великих строителях, вспоминал имена царей, живших недавно или очень давно. Он помнил сказания обо всех великих войнах, которые потрясали окрестные земли за долгие-долгие столетия, и внес историю некоторых войн в летопись, которую давал читать своему юному ученику. С первого дня отшельник занимался с Ахиллом чтением и письмом, причем учил его не только читать и писать на принятом критском наречии, но и персидскому, финикийскому и египетскому языкам, объясняя, что это может понадобиться. Персия и Египет – могущественные страны, влияющие на многие окружающие их земли, а финикийские купцы, странствуя чуть ли не по всей Ойкумене, зачастую осуществляют связь между государствами и передают вести о событиях, которые иначе могли бы дойти до иных народов нескоро.

Ночами они взбирались на широкое плато над пещерой и рассматривали небо. Хирон называл своему ученику все известные звезды и созвездия и рассказывал предания об их появлении, обязательно добавляя, что это – легенды, а о том, что есть звезды на самом деле, можно лишь гадать.

– Впрочем, египетские жрецы и персидские маги знают о них много, – пояснял он. – Первые за счет науки, которую развивают столетиями, вторые тоже за счет науки, но больше, думается мне, колдовства и общения с духами. Свои тайны они хранят свято, однако я проник в них отчасти... Возможно, когда-нибудь я расскажу тебе об этом больше.

Ахилл привык, что учитель часто останавливается в своих рассказах на том пороге, за которым кончаются возможности детского разума и понимания, и перестал допытываться, что и как. Он знал, что за молчанием старика кроется не меньше мудрости, чем за его словами, и нужно уметь думать и учиться понимать это молчание.

Хирон научил его играть на кифаре и петь, и мальчику это очень понравилось: он нашел, что музыка радует и успокаивает, а слова многих прекрасных старинных песен казались ему просто волшебными.

Вместе с тем они каждый день занимались борьбой и стрельбой из лука, метанием дротика, сражались на деревянных мечах и упражнялись в кулачном бою. Когда старик в первый раз предложил ему такие занятия, мальчик едва не рассмеялся – он даже представить не мог, что человек, которому больше ста лет, сможет учить его воинскому искусству.

И ошибся.

Конечно, отшельник не обладал уже былой быстротой и легкостью, но сила его рук, великолепное владение оружием, знание самых различных приемов боя были изумительны. Он показывал уже искушенному в состязаниях мальчику такие выпады, удары, броски, что тот приходил в восторг.

– Это все – огромное искусство, – говорил старик, – и я показываю тебе лишь самое его начало. На Востоке знают способы более действенные и более страшные, ведают о тайниках человеческого тела, о которых у нас не знают. Но я покажу тебе, чего опасаться и как избегать опасности.

Он почти сразу заставил Ахилла запомнить, какие места на теле наиболее уязвимы, куда можно ударить, сразу принеся смерть, либо на какое-то время лишив врага возможности двигаться.

– Но всем этим можно пользоваться только в бою и в том случае, если тебе самому грозят смертью, – тут же добавлял он. – Нет хуже позора для мужчины, чем нанести удар тогда, когда в этом нет самой крайней нужды.

– Но ты столько рассказывал мне, учитель, как великие герои и сами боги в гневе дерутся и убивают, иногда даже слабых! – возражал мальчик.

– Ну да, – говорил учитель, и его голубые глаза улыбались изнутри. – И как ты думаешь, почему о таких «подвигах» говорят не реже, чем о подвигах настоящих? Да потому, что людям всегда приятнее оправдывать свой позор чужим позором, особенно позором тех, кого они считают выше себя. Это тоже – великая слабость, победить которую мало кому удавалось.

Жизнь их в горной пещере была достаточно суровой. Во Фтии, где вырос Ахилл, зимы вообще отличались стужей и ветрами, а на такой высоте и подавно в зимнее время царили морозы и метели, и в огромном гроте становилось неуютно. Когда мороз особенно крепчал, старик и мальчик перебирались в более глубокую часть пещеры, в грот, расположенный далеко в толще горного кряжа. Здесь не было света, и приходилось постоянно жечь факелы или поддерживать костер, зато мороз сюда не доставал, и ручейки воды, сочившейся из щели в стене, не замерзали. Они переносили сюда лежанки и запасы еды, но днем неизменно выходили на заснеженное плато, обходили свои владения, навещали коз, которых отшельник держал в небольшой пещере, расположенной выше по склону. На это время года старик шил из козьих шкур толстые чулки мехом внутрь, поверх которых они с Ахиллом надевали сандалии. На плечи Хирон и Ахилл набрасывали волчьи шкуры, но больше ничего теплого не носили, и понемногу мальчик привык переносить холод легко. Он мог даже спать в летнем зале пещеры, завернувшись в волчью шкуру, когда огонь в очаге едва тлел, мог часами бродить по снегу, мог, спустившись по заледеневшей каменной лестнице в долину, охотиться в зимнем лесу, не боясь вьюги и мороза.

Волчьих шкур у старика было три, но вскоре стало много больше.

Это случилось, когда Ахиллу было чуть больше девяти лет.

Та зима была очень жестока. Окрестные селяне, запертые в своих хижинах снежными заносами, не высывались наружу и там же, в своих домах, держали скот, а вся живность из ближних лесов разбрелась, спускаясь ниже и ниже по склонам – до более теплых мест. Волчьи стаи, ища добычу, которой становилось все меньше, часто подходили к жилью, и их вой вызывал дрожь и ужас у людей, знавших, что, оголодав, звери легко преодолеют свой извечный страх перед человеком. Уже не раз и не два в эту зиму волки крали собак из поселков, пару раз врывались в хлева и резали скот.

Все это Ахилл узнавал, посещая деревни по дороге домой. Отважный мальчик не боялся зимы и снежных заносов и не реже, чем летом, ходил навещать отца и родню.

Вечером, накануне той ночи, рыжая Рута долго и протяжно выла, усевшись на пороге внешней пещеры. Тенга, серая лошадь, которую царь Пелей оставил сыну и которая обычно бывала очень спокойна, тоже нервничала. Она впервые отказалась ночевать в верхней пещере с козами, а, махнув через загородку, прибежала к жилищу Хирона.

Старик и мальчик вышли наружу. Выходить было нелегко: водопад, не замерзавший ни в какой мороз, образовал громадные ледяные наросты перед входом в каменный коридор. Ахилл каждый день скалывал их топором, но они вновь вырастали, и если бы мальчик хоть один раз не сделал своей работы, им пришлось бы долго прорубаться, чтобы выбраться из пещеры.

– Собака и лошадь чувствуют беду, – задумчиво произнес Хирон, осматриваясь. – Что может быть? Землетрясение? Нет, тогда бы улетели птицы, но дикие голуби, вон, жмутся под карнизом коридора и воркуют, как обычно. Нам надо сегодня быть настороже, Ахилл.

Уже почти наступила ночь. Они, как всегда, долго говорили, сидя у очага. На этот раз Хирон велел, несмотря на мороз, перенести лежанки во внешний грот: он не хотел уходить далеко от входа в пещеру.

Ближе к полуночи мальчик заснул, завернувшись в шкуру, и ему приснилось то, что снилось очень часто: море, в котором он купается, блестящие раковины, огромные, – в жизни он таких не видел, и дельфины, резвящиеся меж ними в совершенно прозрачной воде. Мальчику снилось, что он ныряет, достает до одной раковины, а в ней светится и зовет жемчужина, большая, как апельсин, белая, чистая и загадочная... Он протягивает к ней руку, но чуть-чуть не достает. Воздух в груди кончается, надо всплывать, но как же всплыть, не взяв ее?! Он тянется, тянется из последних сил, в глубине подсознания ощущая, что спит, и страшно боясь, что сейчас проснется и не возьмет жемчужину...

– Проснись!

Возглас Хирона вырвал его из сна, и он сразу вскочил с лежанки.

– Волки, Ахилл!

Рычание и вой, долетавшие снаружи, истерический лай Руты и ржание лошади... Волки! Да, это они вскарабкались по ледяным ступеням громадной лестницы, поднялись к пещере и сейчас пытались в нее войти, пролезая через наросты льда. Они чуяли лошадь, собаку и людей.

– Надо их отогнать, пока они не взобрались выше, на плато! – крикнул старик, хватая лук и бросая второй мальчику. – Тогда пропадут наши козы. Топор тоже возьми!

Ахилла поразило лицо отшельника. Оно сразу преобразилось, будто вновь стало молодым – напряженное, освещенное каким-то невероятным вдохновением, предчувствием битвы. Глаза сияли восторженно и бесстрашно. И тогда мальчик впервые понял, что когда-то его учитель был великим воином и страстно любил сражаться...

Их сильно выручила луна. Белая и огромная, похожая на ту жемчужину из сна, она осветила небо и землю пронзительным серебряным светом, и было видно как днем, только все стало почти черно-белым, краски утонули в серебре. Впрочем, одной краски луна не смогла поглотить – красной. Хлынувшая на белый снег кровь горела ярче самого снега.

Некоторое время старик и мальчик дрались у входа в пещеру, отесняя от него волков. Затем Хирон крикнул:

– Поднимайся выше, на край плато! Есть только одна тропа, по которой они могут вскарабкаться, надо перекрыть ее!

Ахилл повиновался, хотя ему было страшно бросить учителя одного – волков возле входа в пещеру оставалось еще много, и они нападали, словно не видя, сколько их уже убито, как будто в них вселились кровожадные демоны Тартара... Впервые Ахилл понял, что боится, правда, он боялся не за себя.

На краю плато от лука оказалось мало пользы – тропа уходила за выступ скалы, и не было времени целиться в зверей, что выскакивали из-за этого выступа по двое – по трое, как в кошмарном сне. Ахилл рубил и рубил топором, отшвыривая мохнатые тела и вновь заноса руку. Ему было жарко, хотя он кинулся в битву в одной тунике и босиком.

Последний волк, упавший ему под ноги, успел ощерить пасть и схватить мальчика за голую лодыжку. Но у хищника уже не хватило сил стиснуть зубы, и на коже остались лишь еле заметные ссадины.

Рычание и вой смолкли и внизу. Только Рута отчаянно лаяла и взвизгивала в дикой собачьей истерике.

– Учитель! – крикнул Ахилл, не спускаясь, а скатываясь по обледенелой тропе. – Учитель, где ты?!

– Я здесь, не бойся, – ответил Хирон, появляясь в проеме пещеры, за струями водопада. – Я здесь.

– Они ушли? – спросил мальчик.

– Думаю, если и ушли, то пять-шесть. Остальные уже не уйдут...

Ахилл стоял среди мертвых волков, озираясь и пытаясь их сосчитать.

– Учитель, я понимаю – они пришли, потому что слышали блеяние коз, потому что из пещеры пахло копченым мясом и потому что кругом мало дичи. Но отчего они так упорно нападали? Мы же убивали их одного за другим...

Хирон опустил в снег свой лук, откинул топор и медленно сел на ближайшую волчью тушу. Он тоже был в одном хитоне, но на его ногах были сандалии – он не ложился, ожидая нападения.

– В моей жизни такое уже случалось, – сказал он негромко. – Я видел подобное безумие и у животных, и у людей... У людей оно еще страшнее. Ступай, Ахилл, обуйся и помоги мне занести волков в пещеру – если туши зачохнеют, их будет не освежевать. Зато теперь у нас полно работы на несколько дней вперед, и я наконец научу тебя выделывать мех...

* * *

– Ни хрена себе, находочка! Говоришь, пятый или шестой век до нашей эры?

Витька Сандлер крутанулся от окна к дивану, на котором полулежал Михаил с развернутым свитком в руках. Возле, на полу, стояли в ряд три здоровые картонные коробки из-под кока-колы, заполненные остальными свитками, уложенными со всей возможной бережностью.

– Я не могу точно датировать... – голос Миши звучал устало и почти жалобно. – Но... во всяком случае, не позже пятого века до Рождества Христова. И это подлинник, видно абсолютно четко, хотя сохранность, ну ты понимаешь, просто обалденная!

– Ни фигашечки!.. Майкл, а сколько же это может стоить на самом деле, а? – глаза Витьки сверкали.

– Пока их не исследуют, не проверят и не датируют ученые, они ничего не стоят. Но вся феня в том, что для этого их надо **ВЫВЕЗТИ**! Понимаешь, Витюня, их надо вывезти из Турции в Россию, либо оставить здесь, у турок. А я... Пускай меня теперь хоть застрелят, я их не отдам!

– Отдавать?! Да ты что?! – ахнул Сандлер. – Это же миллионы долларов в недалеком будущем, если только ты прав. Н-ну... Напрягаю свои еврейские мозги и думаю, думаю, думаю...

Витька ходил крупными шагами по небольшому гостиничному номеру взад-вперед и повторял медленно и монотонно:

– Думаю, думаю-ю-ю, ду-у-ума-аю-ю...

Через минуту у Миши явилось желание чем-нибудь швырнуть в своего бизнес-напарника, но сандалии валялись возле самого входа в комнату, а больше рядом не было ничего, кроме драгоценных свитков.

И тут Виктор резко остановился.

– О-па! Кажется, есть! А ну-каньки!

К ужасу Михаила, не успевшего даже раскрыть рот, Сандлер выхватил из коробки свиток, не соблюдая никакой осторожности (да и откуда он мог знать, что ее надо соблюдать и как она соблюдается?), в то же время другой рукой вынимая из левого кармана джинсов маленькую двухметровую рулетку.

– Та-ак! Сколько он в длину? Кайф! Двадцать один сантиметр. Еще два в запасе. Значит так, Микки: тебе не будет жалко еще примерно четырехсот долларов и бутылки шотландского виски для старого друга, чтоб распить ее вместе за твое величайшее открытие?

– Да я все отдам, что еще оставил на покупки, только бы увезти эту писанину домой! – не раздумывая, воскликнул Миша, помня, что осталось у него немного больше тысячи двухсот.

– Ну так и о'кей. Я пошел. Жди!

И, ничего не объясняя, Витька положил свиток назад в коробку и нырнул за дверь.

Он вернулся меньше чем через час, истекая потом и таща на вытянутых руках три поставленные одна на другую громадные упаковки.

– У-у-у, надорвал поясницу! – завопил он. – Принимай! Да бери же, или уроню, и все это раскатится на...!

Не отвечая на ошеломленные вопросы, Сандлер влетел в душевую, откуда тут же изверглись друг за другом его шикарные пляжные тапочки, футболка «Адидас», шорты и бейсболка. Затем сквозь плеск воды, чиханье и фырканье до Михаила донеслось:

– Вскрой упаковку и посмотри, что за фигиовины!

В широкой коробке оказались поставленные рядами две сотни круглых трубок, очень похоже сделанных под бамбук (на самом деле это, конечно, была пластмасса). Миша снял крышечку с одной трубки и обнаружил в ней тугой сверток бумаги, развернув который, он сразу заметил, что бумага недурно имитирует пергамент, хотя куда тоньше его. Длинный узкий лист был исписан строчками нарочито неровных букв греческого алфавита.

– Ну как?

Виктор вышел из душевой, наматывая на бедра полосатое полотенце.

– «Камафос пафамара куртарикос тамакорка комостантикус...» Что за чушь?! – воскликнул Ларионов. – Это не греческий и не древнегреческий. Это, по-моему, вообще никакой!

Сандлер захохотал.

– Конечно, никакой, Майкл! Эти штуки я привозил в Россию еще года четыре назад, тогда они шли, сейчас, конечно, на такую туфту уже не купятся. Ее только американцы всякие хватают. Сувенир это. Называется «Письмо любви». Сделано как бы под Древнюю Грецию, которой тут туристов потчуют не меньше, чем в Афинах или Салониках.

– Какая же, на фиг, Древняя Греция? – возмутился Миша. – Древние греки не знали бамбука!

– Можно подумать, что америкашки об этом знают, равно как и турки! – пожал плечами Виктор. – Эти «письма любви» тут продаются по шестьдесят пять центов. Ну-ка, дай бамбу-чинку...

Виктор вновь извлек из коробки пергаментный свиток и, прикинув на глаз его диаметр, преспокойно запихал на место «письма любви». Свиток вошел, хотя и с некоторым трудом – он был куда объемнее бумажной «реликвии».

– Вот. На таможне знают эти сувениры, привыкли к ним.

Михаил даже поперхнулся.

– Ду... думаешь, они не поймут? А, Витюн?

– Думаю, моя приятельница с тутошней таможни, которая видела у меня эти письма много-много-много раз и которой я оч-чень не зря шесть лет подряд дарю конфеты и цветочки, не училась в нашем универе, Майкл, и не разбирается в древнегреческих пергаментах. Буковки те же самые, а что больше написано, так, значит, по-другому стали делать сувенир. И не станет она копать, понимаешь? Я друзей зря не завожу. Я, как выяснилось, даже с тобой не зря десять лет в дружбе – ты, вот кто бы мог подумать, скоро можешь стать знаменитым и, может быть, даже богатым! А я буду скромным другом великого человека. Идет?

До самой ночи они вдвоем вытаскивали из «бамбуковых» коробочек бумажные послания, написанные на тарабарщине, и с великой осторожностью заменяли их пергаментами. Оба снова вспотели, и Сандлер опять ринулся в душ. Что до Михаила, то он, оставив номер под охраной приятеля (он ни за что не бросил бы свое сокровище без присмотра), вышел из гостиницы и уже спустя пять минут был на берегу моря.

Курортный шум к этому часу приутих. Только из ресторанов и бесчисленных уличных кафе доносились всплески музыки, нестройно сливались, перебивали друг друга.

Михаил подошел к парапету набережной, сел на него верхом и, переведя дыхание, огляделся. Огни города, дрожа и переливаясь, поднимались вверх и вверх, и где-то, непонятно где, переставали быть огнями и становились звездами. Огромные и, как показалось Мише, горячие, эти звезды висели в высоком лиловом небе.

«Интересно, – подумал Ларионов, когда одна из звезд мигнула ему три раза подряд. – Ей что-то надо, или она просто так мигает? А может быть, тот ее свет, что я сейчас вижу, исходил от нее как раз тогда, когда жили герои моих пергаментов? Может быть, в ту минуту, когда звезда на самом деле мигнула три раза, маленький Ахилл так же стоял на берегу моря? А море...»

Глава 4

Море растворило размытые краски заката, и глубокая синева поглотила горизонт.

Ахилл одолел последние, самые головокружительные уступы крутого спуска и оказался на узкой галечной полосе, на которую, шурша и чуть-чуть пенясь, накатывали волны спокойного прибоя.

Звезды зажигались одна за другой, и море, только что почти черное, пронизывалось их отражениями, и тысячи бликов зажигались на его поверхности, играя и перемещаясь. В то же время оно начинало и само светиться изнутри, будто в непроницаемой для глаз глубине зажигались факелы, и их зеленоватое сияние всплывало к поверхности, рождая воспоминания о загадочных морских духах...

Какая-то птица крикнула и умолкла, испугавшись своего резкого голоса среди торжественного звучания тишины.

Мальчик шагнул к воде, ступил в нее босыми ногами, вошел глубже, так, что волна омыла его колени, коснулась края туники. Слабый ветер дохнул в лицо и стих.

Ахилл вслушивался в тишину и смотрел, не отрываясь, в играющее загадочными пятнами света пространство. Он ждал. Ждал, зная, что его ожидание снова закончится ничем, что будет так, как бывает каждый раз, когда он приходит сюда, что он ничего не услышит, кроме шороха волн, и ничего не увидит, кроме звезд, бликов на волнах и этого странного свечения, которое бывает не всегда, но тоже означает лишь то, что у моря свои загадки... Мальчик ждал не этого.

Волна вдруг плеснула сильнее, и Ахилл, вздрогнув, повернулся туда, откуда донесся плеск. Темный хвост дельфина или крупной рыбы мелькнул над водой в полустадии⁷ от берега, и вновь все стихло.

Мальчик почувствовал на щеке что-то влажное, провел рукой, лизнул. Капля была соленой. Неужели брызги прибоя, такого тихого, взлетели так высоко?

Ахилл поднял голову, опять посмотрел на море.

– Так помнишь ли ты меня? – прошептал он и возвысил голос: – Слышишь, отзовись! Или это все неправда? Да, я уже не маленький, я уже почти понял, что меня, наверное, обманули... никакая ты мне не мать... Разве мать бросила бы своего сына навсегда, так, чтобы за двенадцать лет не посмотреть на него ни разу и ни разу с ним не поговорить? Богиня или не богиня, но все равно ведь мама... Кто же тогда родил меня? И почему той, что меня родила, я не нужен? Или во мне что-то плохое? Мама! Мама, откликнись! Если ты – богиня, дочь морского старца Нерая, то ты слышишь меня сейчас... Я ничего и никого не боюсь, я уже почти все умею – сражаться, охотиться, врачевать раны, читать и писать – Хирон всему меня научил. Но мне без тебя плохо, мама! Мама!

Он крикнул и замер, вновь всматриваясь и вслушиваясь.

Море тихо шуршало по гальке. Где-то снова плеснула рыба. И вновь, но очень далеко, прозвучал короткий крик морской птицы. Звезды стали бледнее – новорожденный месяц возшел, и волны заблистали живой серебряной чешуей.

Мальчик снова провел рукой по лицу и наконец понял, откуда эта соленая влага на его щеках.

– Ну что же... – прошептал он, кусая губы, чтобы не разрыдаться. – Ну, раз так... Жил я до сих пор и буду жить дальше! Ладно!

---

⁷ Стадий – древнегреческая мера длины, точнее, расстояния. В разное время измерялось по-разному. Традиционный олимпийский стадий равнялся 192,27 м.

Он отвернулся и при неверном свете звезд и тонкого полукружия луны стал взбираться по отвесному кряжу. Обрыв был не менее ста локтей в высоту, но мальчик одолевал его уже сотни раз и карабкался по гладким уступам быстро и уверенно. Достигнув плато, он выпрямился, на всякий случай еще раз глянул с высоты в сторону моря, по-прежнему равнодушно сверкавшего серебром лунной чешуи, и повернулся, собираясь пересечь плато и спуститься ко входу в пещеру Хирона.

– Теплая в море вода? – прозвучал совсем рядом голос учителя.

Ахилл не вздрогнул: тот же Хирон все пять лет учил его всегда быть готовым к любой неожиданности.

Старик стоял в трех шагах, подойдя, как всегда, бесшумно и словно появившись ниоткуда.

– Теплая. Но я заходил только по колено. Ты сам говорил, что ночью купаться небезопасно.

– Да, – старик кивнул. – И особенно здесь. Я не раз видел акул почти у самого берега. А мне снова не спится. Я разжег огонь в очаге, разогрел мясо твоего кабана и решил пойти позвать тебя, чтобы ты поделил со мной поздний ужин.

– И ты знал, где меня искать! – тихо сказал мальчик.

– Я знаю, что ты часто спускаешься к морю.

Уже сидя в пещере, возле очага, медленно нарезая ножом ломтики сочного мяса на большой глиняной тарелке, Ахилл спросил:

– Мы никогда не говорили об этом, учитель... Но ведь ты не веришь, что моя мать – богиня Фетида? Ты... Ты вообще не веришь в богов, да?

Хирон ласково положил руку на плечо ученика, его пронзительные, чистые, как родниковая вода, глаза будто вошли в душу мальчика, видя в ней все. Наконец старик сказал:

– Будь по-твоему. Ты вырос, наверное. И сердце мне подсказывает, что вскоре мы можем расстаться...

– Нет, учитель!

– Ты не то подумал. Я пока не собираюсь умирать. Только, боюсь, тебя заберут от меня... Значит, пора ответить и на этот вопрос, не то ты будешь думать, что я в чем-то тебе лгал. Видишь ли, Ахилл, в богов я верю. Только сумасшедший может не видеть очевидной и явной власти над миром и людьми неких незримых сил. Однако я не считаю богов, которых у нас принято чтить, великими и всемогущими.

– Как?! – вскинул голову мальчик. – Как же: боги – и не всемогущи?

– А ты сам подумай! – голубые глаза учителя были серьезны, хотя на губах появилась улыбка. – Я же рассказывал тебе все предания о них. И ты сам не раз замечал, что боги, все, вплоть до великого Зевса-громовержца, подвержены тем же порокам и слабостям, которым подвержены люди. И злобе, и зависти, и страху (хотя они бессмертны!), и подлости, и корысти... И в них все это проявляется едва ли не сильнее, чем в людях. Если правда хотя бы десятая часть того, что мы о них знаем, то по сути своей боги слабее людей, потому что наши пороки делают нас беззащитными прежде всего перед собою... Так скажи мне – могут ли существа, не владеющие собой, владеть и управлять миром и силами природы? Допустим, что могут. Но тогда на земле и в мире все было бы устроено нелепо, одно противоречило бы другому... Нет! Наблюдая этот мир, я вижу, что в нем, напротив, все идеально, все взаимосвязано и все прекрасно. От любого, самого маленького цветка, до высочайшей горы. И при всем множестве созданий, наполняющих мир, нет ничего, ты понимаешь, совсем НИЧЕГО лишнего, чего-то, что не служило бы общей совершенной гармонии. Все, что есть, и все, что происходит – рождения, смерти, приход весны и наступление зимы, восход солнца и темнота ночи, – все осмысленно, все верно и точно. Только человек постоянно нарушает гармонию, но он делает это потому, что ТАК ХОЧЕТ, а все остальное, что есть вокруг нас, не имеет желаний, но живет по

воле силы, создавшей мир. Так вот, подумай: возможно ли, чтобы существа несовершенные, такие, как мы с тобой, способные к стольким ошибкам, создали такой идеальный мир и так мудро и прекрасно им управляли?

– Н... не знаю... Нет, невозможно! – воскликнул мальчик. – Но... не могло же оно все создаться само?

– Нет, конечно. Это было бы еще невозможнее. Мир определенно разумен, значит, он и создан Разумом. Более того, тот, кто его создал, действительно обладает личностью, то есть имеет свое Я, не то Он не мог бы создать существо, у которого тоже есть Я – человека. Но наших пороков и слабостей у него нет, Он непорочен.

– Почему? – голос Ахилла задрожал, и едва ли не впервые в жизни он ощутил в себе страх, только попытавшись представить Существо, наделенное таким могуществом. – Почему ты уверен, учитель? И кто сказал тебе?

– Никто. Я дошел до этого сам. Хотя нет, не сам... Думаю, Он подсказал мне, не раз подсказывал, потому что я давно ищущу Его и хочу понять. И мне не раз приходилось слышать в разных землях, от разных мудрецов, что они тоже ощущают нечто подобное и тоже видят несовершенство наших представлений о мире и о его создании. А почему я уверен в Его непорочности? Ну-ка представь: может ли попасть в цель из лука тот, у кого неверен глаз и не достаточно тверда рука? Нет. Может ли поднять и унести тяжелый камень тот, кто слаб? Не может. Возможно ли, чтобы вкусный хлеб испек тот, кто не умеет правильно замесить тесто? Невозможно. Так если в мире ВСЕ так хорошо сделано, стало быть Тот, Кто это все сделал, не имеет недостатков. Так?

– Да, – кивнул Ахилл. – И кто это – Он?

Хирон вздохнул.

– Я не знаю. Очень хочу знать, но не знаю. Говорят, когда-то, беспредельно давно, Он общался с людьми, но потом они об этом забыли.

– А боги? – спросил мальчик. – Ты сказал, что веришь в них. Кто же тогда они?

– Они есть у всех народов, среди которых я бывал и жил, – сказал старик. – Они разные, их по-разному описывают, и у них разные имена, но всегда одинаковые признаки и суть. У всех есть бог, повелевающий остальными богами, есть боги Солнца и Луны, есть божество любви и есть царь Подземного царства. Это значит, что либо люди повсюду придумывают олицетворение сил земли и неба, а также олицетворение своих пороков и придают им определенные образы, либо эти божества существуют. Первое объяснение было бы слишком примитивно – в человеческом воображении может родиться многое, но для того, чтобы образ стал зримым и общим для всех, выдумки недостаточно. Нет, нет, они есть. Только вот боги ли они, либо высшие демоны, стремящиеся к власти над миром и обретающие пока только власть над людьми? Почему над людьми? Да потому, что людям легче понять их, чем Его, который настолько их выше, и легче договориться с ними... Возможно, одни из этих богов действительно лучше, а другие хуже, но только они не могут созидать, а значит, не могут и творить добро. Зато им легко толкать людей на злые дела, а людям приятно оправдываться тем, что зло они делают не сами, а под влиянием богов. Кстати, мне не раз говорили, что у разных народов разные боги, и когда те оказываются сильнее этих, народ сильных богов берет верх над тем, чьи боги слабее... Это уже совсем смешно – похоже на курятник, в котором оказывается три или четыре петуха и они начинают драться за власть над курами.

Ахилл рассмеялся и тут же умолк. Ему вдруг стало не по себе.

Хирон снова глянул ему в глаза и продолжал:

– Только учти: все, что я тебе говорю, во-первых, может оказаться моей ошибкой и великим заблуждением. Я могу быть неправ. А во-вторых, это опасно повторять – ты восстановишь против себя множество людей и наделаешь много зла: ни я, ни ты не знаем пока, в чем истина, значит, можем лишь посеять сомнение, а сомнение безопасно только для твердого ума, всех

остальных оно губит. Поэтому о том, что я сейчас сказал тебе, говори лишь с самыми близкими, с теми, в чьей твердости ты уверен. И не забывай ходить в храмы и приносить жертвы богам – кто бы они ни были, они сильнее нас, и мы не лучше их, а потому не вправе их оскорблять. Во всяком случае, до тех пор, пока не знаем иного пути.

– А как найти его, этот путь? – спросил Ахилл.

Старик тихо рассмеялся.

– Боюсь, это невозможно. Я живу на свете почти сто двадцать лет, обычно люди не живут так долго. Я ушел от мира и живу в уединении именно для того, чтобы ничто не мешало мне размышлять и искать этот путь. Иногда мне казалось, что вот, я нашел. И оказывалось, что это снова не то... Наверное, Он, тот, о ком мы говорили, сам должен нам показать. Возможно, когда-то Он это сделает. А жизни человеческой явно мало для вершины познания.

– Ну почему нельзя прожить еще и еще раз? – в досаде воскликнул мальчик.

И снова Хирон засмеялся, на этот раз лукаво.

– А знаешь, у некоторых народов, среди которых я побывал, такая вера есть. Они верят, что душа человека уходит в Царство мертвых лишь на время, а потом возрождается, либо в другом человеке, либо в животном, либо в дереве или цветке. Они говорят: если ты хорошо прожил, то станешь снова человеком, да еще каким-нибудь особенным человеком, а если был плох и грешен, из тебя сделают собаку или осла. Это очень удобная вера, я бы сказал, очень хитрая.

– Хитрая? – удивился Ахилл. – Но почему?

– Да потому что позволяет верить в бессмертие, которое на самом деле есть смерть. Разве дерево может думать: «Я было Хироном или Ахиллом»? Ну, ладно, мы не можем ведать, что думает дерево. Но если бы моя душа возродилась в осле, то уж осел-то нашел бы возможность как-то дать понять людям, что он разумен... А уж если я возрожусь в человеке, то этот человек должен же помнить, что он был мной. Но нет, история не знает случаев такого воспоминания о чужой душе... разве что в случае безумия, а его, как известно, насылают демоны. Так что же это за бессмертие такое получается? Душа, которая живет, не помня, в ком она была? Выходит, душа как раз и не бессмертна, выходит, ее память умирает, а значит, умирает она сама. Вера в перевоплощение есть просто изощренный самообман, и на деле это вера в смерть, в полное небытие. Так что, нет, мальчик мой, нет. Жизнь здесь, на земле, одна-единственная, а в Царстве теней, куда попадем мы все, уже едва ли можно что-то понять и что-то исправить. Послушай-ка, мясо остывает. Давай поедим, да и пора спать – скоро рассветет.

Некоторое время они молчали, жуя кабанину и кусочки ячменной лепешки. Воду, чтобы запивать еду, черпали чашками прямо из озера среди грота, благо недавно прошли дожди, и вода была чистой и свежей.

– А моя мать? – вдруг спросил Ахилл. – Все-таки могу я быть сыном богини или нет?

– Тебе очень важно быть сыном именно богини? – спокойно, без насмешки, спросил учитель.

– Совершенно неважно, – твердо ответил мальчик. – Я просто хочу, чтобы у меня была мать.

Рука старика снова легла на его плечо.

– Еще ни один человек не был рожден иначе, как женщиной. И если та, что родила тебя, жива, то ты когда-нибудь сможешь ее найти. А если она богиня, то уж точно не могла умереть. У тебя еще много времени, Ахилл. Научись терпеть. Кстати, у тебя и нет другого выхода.

В эту ночь он впервые увидел сон, который потом приходил к нему много-много раз. Он снова увидел море, спокойное, играющее ослепительными солнечными бликами. На отмели, среди пены и волн, прыгали и гонялись друг за другом дельфины. Они носились, почти задевая дно, то уходя на глубину, то вновь приближаясь к опасному для них мелководью. И среди них, с ними, резвилась и играла девушка. Нагая, прекрасная, как Афродита пеннорожденная в

день своего рождения. Ахилл точно знал, что это не его мать. Это была смертная девушка, но она была прекрасна, как богиня. Он запомнил ее точеные ноги, высокую грудь, полускрытую струями длинных-длинных, черных, как смола, волос, ее глаза, синие и жаркие... Да, именно синие и жаркие!

Мальчик проснулся с ощущением счастья, будто море, от которого он столько лет ждал встречи с матерью, вернуло ему невозвратимый долг. Потом он понял, что это был сон, но в нем почему-то осталась уверенность, что эта девушка есть. Не здесь, не сейчас. Но где-то она есть обязательно, и когда-нибудь он сможет увидеть ее наяву.

* * *

– Ты хотя бы сам представляешь себе, ЧТО ты нашел?

– Честно говоря, Александр Георгиевич, нет. Я ни о чем подобном никогда даже не слышал. Я был уверен, что в тот период не создавались такие формы литературных произведений. Вернее, был уверен, что не создавалось никаких. Ведь это так называемые «темные века», время упадка...

– Ага! В тот период. А в КАКОЙ? Ты каким веком датируешь рукопись?

Профессор Каверин сидел совершенно не по-профессорски, верхом на стуле, рядом со своим письменным столом, размерами и мощностью более всего напоминающим БТР. Стол был девятнадцатого века, резной, многоящичковый, со «вторым этажом», снабженным множеством полочек и ящичков, с выползающей из-под верхней крышки гибкой деревянной шторой, которая могла при надобности закрыть всю верхнюю часть и саму столешницу, покрытую не красным и не зеленым, а изысканным фиолетовым сукном. Бронзовый с мрамором чернильный прибор, готовальня из натуральной кожи, ампирный подсвечник, в который был очень ловко вделан провод и вставлена лампа, бюсты Платона, Геродота и Ломоносова, стопка книг в возрасте от девяноста до ста пятидесяти лет, часы-хронометр, пепельница черного мрамора... Среди всего этого логически взаимосвязанного хаоса сумасшедшим вторжением времени выглядел компьютер. Его клавиатура дерзко светлела на толстом стекле, лежащем поверх сукна, а из-под нее выглядывали фотографии покойной жены Александра Георгиевича и его дочки, снятой с мужем и сынишкой на белоснежной лестнице Алупкинського дворца. Монитор тускло косился на стоящего рядом Геродота.

Стол был главной доминантой просторной комнаты. Но сейчас главное был кирпичный камин, потому что он горел, и сполохи пламени, играющие прямо за спиной профессора, делали его фигуру, обтянутую темным свитером, загадочной и фантастической.

Александру Георгиевичу было шестьдесят два года, но он казался моложе, и вообще облик его был далек от классических профессорских стандартов. Он не был ни тучен, ни сухощав, но ладно и хорошо сложен, довольно высок, но не долговяз. К тому же не носил ни усов, ни бородки, ни бородищи, а был гладко выбрит, и его седые густые волосы были подстрижены коротко и ровно, скорее как у спортсмена, а не ученого. Даже очки он надевал только когда в них возникала крайняя необходимость. Зато (и это было уж точно по-профессорски) он курил трубку, шикарную, вишневую, старой, хорошей работы. Был у Александра Георгиевича и кот, тоже вполне профессорский, черный, большой, длинноусый, гордо носивший прозаическую кличку Кузя.

Профессор вот уже шесть лет жил за городом, но свой кабинет в загородном доме обставил точно по образцу городского. Только прежнюю кафельную печь заменил камином.

– Так какой это, по-твоему, век, а, Миша?

Голос у Каверина был тихий, но звучный и какой-то очень молодой. Бывало, он звонил Мише по телефону, в старые времена, когда Ларионов жил с матерью, и та кричала: «Миш! Тебя какой-то парень спрашивает!»

– Век... – Миша смутился. – Я датировал пергаменты веком пятым до нашей эры...
– Ничего подобного!

Глаза профессора сверкнули, он так и подскочил на стуле.

– Ты не побоялся датировать его этим периодом, хотя видел, что пергаменты выглядят новенькими. Сомневался, но датировал. И ты ошибся.

– Подделка? – со смешанным чувством отчаяния и сомнения воскликнул Ларионов.

– Да нет же! – крикнул Каверин. – Нет. Только это не пятый век и не шестой. В то время уже ничего подобного написать не могли. Ты прав, тогда ничего не писали. Это памятник подлинной крито-микенской культуры, и создан он, очевидно, в двенадцатом веке до нашей эры, то есть непосредственно после событий, в нем описанных.

У Михаила закружилась голова.

– Двенадцатый?! Но...

– Мишенька, – очень серьезно проговорил профессор, – вольно или невольно, ты совершил громадное, невероятное открытие. Во-первых, мы столкнулись с действительно неизвестной нам до сих пор формой древнего художественного произведения. И оно подтверждает мою догадку о подлинном уровне развития культуры крито-микенской эпохи. Эти свитки заключают в себе роман, именно роман, написанный стилем и языком, очень близким к нашему времени. Я имею в виду лексику, форму, сюжетное построение... И во-вторых, это, вероятно, подлинное описание событий, ставших первоосновой одного из самых известных и знаменитых мифов древности. Это настоящая история Троянской войны и ее героев.

– Вы думаете? – задал Михаил совсем глупый вопрос и покраснел.

Но Александр Георгиевич, казалось, не заметил ни вопроса, ни смущения своего аспиранта.

– Начало, которое ты успел прочитать и перевести, наспех, но очень неплохо, – оно, это начало, уже дает полное представление, о чем, точнее, о ком и о каком периоде идет речь. Я прочитал повесть целиком.

– Вы успели?! – ахнул Миша. – Я вам привез свитки три недели назад... Ну, чуть больше.

– Я успел уже и перевести больше половины текста, – профессор развел руками и вновь впился в спинку кресла, не спуская с Миши пристального взгляда своих светлых глаз. – Я просто не мог ничего больше делать. Позорно взял больничный, хотя до зимней сессии – всего ничего. Я почти не спал. Я коту не кормил больше суток! Нет, это просто фантастика! И я более чем уверен, что писал это все один из участников, во всяком случае, один из свидетелей всех этих событий.

– И там описана вся Троянская война? Как у Гомера? – спросил Миша.

– Нет. Не как у Гомера и не как в общеизвестных вариантах мифа. Повествование начинается, если ты заметил, раньше, чем гомеровское – с детских лет главных героев. В мифологических сюжетах есть подтверждение этому изложению – и упоминание о дружбе Ахилла и Патрокла с детских лет, и обучение Ахилла кентавром Хироном.

– Но в этой... в нашей повести Хирон не кентавр!

– Ну, само собой! – глаза Каверина смеялись, хотя лицо осталось серьезным. – Мы же с тобой имеем не сказку и не легенду – это абсолютно реалистическое произведение. И там не может быть никаких кентавров, потому что их никогда не было в природе. А Хирон был. И был, видимо, на самом деле одним из величайших мудрецов своего времени. Как он по теории реинкарнации⁸ двинул, а!

---

⁸ Теория реинкарнации – очень древняя, а в наше время очень модная теория переселения душ, воплощения души после смерти ее носителя в другом носителе (человеке, животном, растении). Распространена в восточных религиях и многих оккультных учениях.

– Читая это, я подумал, что так рассуждал бы православный человек, – заметил Миша, бросив взгляд на несколько старых икон, поблескивающих латунными ризами в правом углу комнаты.

Профессор кивнул.

– Всякий человек, близко подошедший к пониманию Господа, Его подлинной Сути, приближается к православному сознанию. Хирон, скорее всего, искал эту Суть всю жизнь и оказался к ней вплотную. Не зря же он отвергал идею могущества языческих богов. В дальнейшем в повести эта тема развивается неоднократно. Но сама повесть просто поразительна! В ней – все достижения современной нам литературы... Я сейчас почти закончил перевод первой книги... То есть там нет такого деления, но логически и по смыслу оно есть, и я делаю это в переводе. Я же разделил первую книгу на несколько объединенных по смыслу частей и собираюсь сделать то же самое со второй книгой, также придумывая к частям заглавия, которых у нашего автора нет. А вот главы как таковые есть. Они обозначены отчеркиванием или пропуском – свободным местом на листе пергамента.

– Трудно было переводить? – с восхищением глядя на профессора, выдохнул Ларионов.

– Абсолютно нетрудно. Говорю тебе, по сути и по стилю это – современный текст. Уровень развития, не технического, а культурного и духовного, у людей этой эпохи очень близок к нашему. И я всегда это знал, изучая немногие сохранившиеся рисунки и скульптуры того времени. Литературных памятников нам не осталось, от Древней Греции вообще осталось мало литературы. Самое древнее – пьесы Софокла, Еврипида, Эсхила, комедии Аристофана. Это все уже очень и очень не то время и страшно далеко от крито-микенской культуры. Первый дошедший до нас греческий роман «Дафнис и Хлоя» – и вовсе третий век нашей эры, и он выглядит рядом с твоей находкой все равно, как оды Тредиаковского рядом с поэмами Пушкина.

– Развитие по спирали... – прошептал Ларионов.

– Возможно... – глаза профессора блеснули и погасли. – А может быть... Не знаю, Миша, не знаю. Словом, переводить было не труднее, чем Бальзака, например. Я в молодости этим баловался. Другое дело, что сам язык рукописи много богаче привычного нам классического древнегреческого языка, в нем больше красок, его словарный запас неизмеримо шире. По своему многообразию и по своим образно-художественным возможностям он, пожалуй, напоминает русский. Там есть слова и словосочетания, о которых я даже не слышал, хотя знаю древнегреческий не хуже своего родного, в чем ты, помнится, не раз убеждался. Мне приходится для иных выражений искать чисто смысловой перевод, «вылавливать» то или иное слово из текста в разных местах, чтобы не сомневаться в его значении. Но это опять же не трудно, а невероятно интересно. Жаль, есть солидные утраты текста. Вот после того пергамента, что ты успел перевести сам, одного свитка недостает. Очень важного, на мой взгляд. Там как раз, видимо, завязка событий, ситуация, когда Парис похищает Елену Прекрасную из Спарты. Возможно, описаны и состязания ее женихов, и само их жениховство, и то, как Елена выбирала Менелая, спартанского царя. Возможно, есть. Додумывать я не рискую. В конце концов, мы знаем мифологический сюжет. Хотя ты сам убедишься, как отличается то, что произошло на самом деле, и от мифа, и от Гомера... Не только и не столько событийно, хотя и события развивались несколько иначе, но прежде всего нравственно-психологически. Да вот, возьми и читай!

С этими словами Александр Георгиевич протянул руку к столу, подхватил своими длинными пальцами стопку принтерной распечатки и сунул Мише. Следующим движением он повернул колпак настольной лампы так, чтобы свет упал на листы.

– А у вас есть время? Я не задерживаю вас? – Миша дрожащими руками вцепился в распечатку. – Можно у вас задержаться?

– Можно. Только жене не забудь позвонить. И читай спокойно, а я пока за водой схожу и сооружу чай.

Глава 5

Дом мирмидонского базилевса⁹ Пелея все называли дворцом. Называли потому, что это был дом царя. Но он нисколько не походил на прекрасные дворцы Микен, Крита или Спарты. Это было одноэтажное здание, сработанное из светлого песчаника, с широким порталом¹⁰, украшенным четырьмя прямоугольными колоннами, к которому поднималась внушительная лестница.

Портал вел сразу в просторный зал с выбеленными стенами, с фризом¹¹, очерченным геометрическим орнаментом, с широким отверстием в потолке, под которым было устроено углубление для сбора дождевой воды. По углам зала стояли высокие бронзовые светильники, очень простой формы, вдоль стен располагались деревянные скамьи, покрытые медвежьими и волчьими шкурами. В дни праздников сюда же вносили длинные столы и вазы с цветами, и в воду маленького бассейна тоже бросали цветы. От зала вправо и влево вел коридор, а в него выходили двери десяти комнат (по пять с каждого крыла), обращенных узкими окнами во внутренний двор. Этот двор образовывали не крылья здания, каковых не было, а высокая каменная ограда. Во дворе лепились к ограде несколько хижин, в которых жили рабы, посреди был колодец, а кругом него росли кусты жасмина, несколько старых слив и акаций.

Комнаты, как и зал, были расписаны и обставлены очень просто, выдавая и недостаточное богатство базилевса, и его пренебрежение к украшениям и блеску. Роскошны здесь были только шкуры хищников, разложенные и развешанные повсюду, свидетельствовавшие о том, что хозяин дома – великий охотник, да еще оружие, которое, хотя и не бросалось в глаза, но попадалось на пути часто – красиво сработанное и любовно начищенное. Видно было, что базилевс умеет его ценить и любит иметь под рукой.

– А вот это копье Ахилл недавно сделал для себя сам. От начала до конца. Сам отыскал в роще, на склоне, молодой, совершенно прямой ясень, срезал его, обточил и отполировал. Сам выковал наконечник, железный, не бронзовый, и посмотри, какой мощный! И своими руками его укрепил на древке, а само древко, видишь, в нескольких местах оковал полосами железа, чтобы сделать прочнее и уравновесить с наконечником. Оно красиво, верно? Наши воины прозвали его «пелионским ясенем» – деревце-то со склона Пелиона.

Произнеся это, Пелей погладил рукой копье, прислоненное к стене в комнате его сына.

Феникс, давний друг царя и управляющий всем домом, красивый шестидесятипятилетний старик, изумленно подняв голову, осмотрел наконечник, сверкавший на высоте пяти локтей¹² от пола, взялся за гладкое древко, с трудом охватив его пальцами, но не рискнул даже попытаться поднять.

– Да оно же с полбыка весит! – проговорил он. – И что, Ахилл, в свои тринадцать без малого лет, может его носить?

– Носить? – Пелей рассмеялся. – Он бросает его легко, как дротик, и оно летит на двести шагов и втыкается в землю и в самое твердое дерево. Ты давно не видел своего бывшего воспитанника, Феникс, и даже не можешь себе представить его нынешней силы. Я сам с трудом верю в нее.

Феникс покачал головой.

---

⁹ Базилевс – царь, предводитель у древних греков. Базилевсы правили городами-полисами, возглавляли племена, в военное время руководили армией.

¹⁰ Портал – вход, входное отверстие.

¹¹ Фриз – полоса, завершающая верхнюю часть стены, перед переходом к карнизу.

¹² Локоть – распространенная в Древнем мире мера длины. Измерялся в разное время и разных местах по-разному. В описываемый период – около 35 см.

– Да-а! Я понимаю царя Агамемнона, который так хочет заполучить Ахилла в свою армию! Если война с Троей начнется, то такой воин им очень не помешает...

– Этого не будет! – резко воскликнул Пелей и, как обычно, волнуясь, разрубил воздух взмахом ладони. – Я не знаю, с чем возвратится царь Менелай, вернут ли ему жену эти обнаглевшие троянцы, но в любом случае, мой сын не поедет воевать ради подлой девки, ради грязной развратницы, сбежавшей от мужа с каким-то негодяем-сопляком! Ахилл не сватался к ней, да и не мог свататься – ему тогда было одиннадцать лет, и никакой клятвы он не давал, и не во власти Агамемнона и Менелая потащить его туда, чтобы он сложил голову за чужую дурь!

– И потому ты хочешь отправить его на Скирос¹³, к Ликомеду? – спросил старик.

– Да.

Пелей отвернулся и, выйдя из комнаты сына, прошел через узкую дверь в конце коридора во внутренний двор. Здесь, в тени большого старого ореха, стояла широкая деревянная скамья, перед которой, на невысоком столе, рабы, знавшие привычки своего хозяина, заранее поставили небольшой кувшин вина с парой кубков и блюдо с разложенными на нем свежими лепешками и спелыми плодами смоковницы.

Пелею в это время уже исполнилось шестьдесят, но выглядел он лет на десять моложе, высокий, могучий, все еще быстрый во всех движениях, а временами порывистый и резкий. Обильно просеянные сединой волосы и борода, подстриженная очень коротко, красиво обрамляли его острое лицо, которое казалось бы сухим и холодным, если бы не очень живые серые глаза, да не румянец, в мгновения гнева и возбуждения заливавший его худые щеки.

Он так и не приучил себя носить подобающий возрасту длинный хитон, и тот, что был на нем сейчас, лишь закрывал колени и опускался едва ли до четверти икры. Впрочем, крепкие, сильные ноги царя были вполне под стать такой одежде. На его шее поблескивала массивная серебряная гривна. Ни венца, ни колец, ни браслетов он обычно не носил.

Отпив вина из кубка и степенно закусив лепешкой, Феникс вернулся к их незаконченному разговору, зная, что, при всей своей резкости, царь внимательно прислушивается к его словам.

– Почему бы тебе, раз так, не оставить Ахилла у Хирона, а, Пелей? – спросил управитель. – Разве кто-нибудь из подданных Агамемнона отважится проникнуть в пещеру того, кого они считают кентавром?

Пелей пожал плечами.

– Кто-кто, а Патрокл туда доберется! Все время добирается. Они же видятся не только тогда, когда Ахилл бывает здесь, и сын этого не скрывает. Патроклу, конечно, не разрешается входить в пещеру, но возле нее и на берегу моря они встречаются постоянно. И если друг моего сына скажет ему, что едет на войну, Ахилл поедет тоже, и я не смогу удержать его. Он слишком предан Патроклу.

– А на Скиросе он не узнает и не догадается, что его друг отправился воевать с Троей? – голос Феникса выдал едва заметную усмешку.

– На Скирос Патрокл не поедет, – сухо сказал Пелей. – А я... Я в конце концов пойду на то, чтобы обмануть Ахилла – напишу, что Патрокл остается здесь.

– Но война не закончится быстро, это все говорят, – не сдавался упрямый Феникс. – Если она начнется, то продлится года три-четыре, по крайней мере. Трояда сильна и непобедима. Была непобедима до сих пор... Что же, Ахилл так и будет прятаться на Скиросе, будучи величайшим богатырем среди ахейцев? И что же, он не узнает, что друг, которого он так любит, сражается в войске Агамемнона?

Пелей нахмурился.

---

¹³ Скирос – один из островов Эгейского моря. Согласно мифологии на Скиросе, у царя Ликомеда, Пелей спрятал Ахилла, т. к. тому была предсказана гибель во время Троянской войны.

– Пускай станет хоть немного старше. Чтобы у него была возможность решать обдуманно. Ты знаешь, Феникс: мне нагадали дурное о нем... Там, возле Трои, его стережет гибель!

– И ты думаешь обмануть судьбу? – голос старого управляющего прозвучал печально. – Ах, Пелей!

– Я уже не раз и не два обманывал ее, и она пока что терпит! – почти со злостью бросил базилевс. – Я знаю, что заставить Ахилла сделать что-то, чего он не захочет, не в моих и не в чьих-либо силах. Это же говорит мне Хирон. Но это мой сын, и я буду бороться за него!

Феникс задумался, отпил из кубка и неторопливо надкусил большую сочную смокву.

– А мне кажется, – тихо проговорил он после недолгого молчания, – мне кажется, что на Скиросе мальчик будет едва ли не в большей опасности...

– Это ты на что намекаешь? – чуть усмехнувшись, спросил Пелей.

– Ты знаешь, на что. На старшую дочь Ликомеда.

– Деидамию? – базилевс сморщился. – Ну... Неужели ты думаешь, что?.. Да нет, чушь!

И вновь его крепкая ладонь сверху вниз рассекла воздух.

Однако Феникс вздохнул и снова заговорил.

– Это серьезно, царь, поверь мне. Деидамию восемнадцать лет, и она уже дважды была замужем. Трудно сказать, что ею движет, и трудно сказать, отчего ее отец потакает безумным выходкам дочери. Во всяком случае, раз Ликомед пригласил Ахилла погостить на Скиросе, то у него есть какие-то тайные мысли. Просто так он ничего не делает.

– Ликомед – мой друг, – хмурясь, произнес Пелей.

– Ну да, – кивнул Феникс. – Пять лет он не вспоминал о тебе, а теперь, когда по всем ахейским землям разнеслась слава твоего сына, он вдруг написал письмо и пожелал видеть тебя и его! Думаю, ему пришло в голову женить Ахилла на Деидамию и заполучить надежного защитника своего острова, на который уже много лет зарятся два его брата. Вот в этом все и дело...

– Женить Ахилла на этой... этой!.. – лицо базилевса загорелось алыми пятнами и тут же вновь побледнело. – Да ты с ума сошел, старик! Он еще мальчик. И неужели она ему понравится?!

Феникс отпил вина и вновь неторопливо надломил лепешку.

– Она многим нравится, Пелей. Ахилл – мальчик, да, ему нет еще тринадцати, но на вид-то все восемнадцать. Я его и правда давно не видел, но от многих слышал, каким великаном он вырос. И он уже может стать мужчиной, неужели нет? А этой хищнице такой и нужен – юный, прекрасный, наивный. И ее умнейший отец готов помочь ей в этом – у него-то свои замыслы. Ох, плохо это может кончиться, мой царь, ох плохо! Право, отпиши Ликомеду, что Ахилл к нему не поедет...

Пелей собирался ответить, но тут во двор вбежал один из его рабов.

– Мой царь! – раб говорил, одновременно низко кланяясь и от этого проглатывая слова. – Мой царь, к тебе приехал почтенный Нестор. Он не хочет ждать, идет прямо сюда.

– Ну так пускай идет! – ответил Пелей, пожимая плечами. – Принеси еще один кубок и пару подушек, Селий.

Едва он это произнес, как в дверях дворца появился и быстрым шагом подошел к ним мужчина лет пятидесяти пяти, среднего роста, жилистый и крепкий, одетый в широкую черную хламиду, искусно, но и небрежно наброшенную поверх красного, чуть прикрывающего колени хитона. У него были темные, скупно разбавленные сединой волосы, повязанные скрученным платком, и коротко остриженная темная борода. Черты лица, крупные, однако достаточно тонкие, выдавали страстную натуру, но страсть давно была глубоко спрятана под твердой корою воли и мудрого, непреклонного терпения.

Нестор был роднею мирмидонского базилевса, но, хотя сам он и не был царем, слава его далеко превосходила славу Пелея. Подобно могучим Диоскурам¹⁴, он прославился как великий укротитель коней, непревзойденный наездник и знаток лошадиного нрава.

– Привет тебе, мой базилевс! – голос пришедшего звучал ровно и твердо, хотя только что он почти бежал. – Здравствуй, добрый Феникс!

– Что у тебя за известие? – быстро спросил Пелей, лишь чуть привставая навстречу гостю – их близкое родство и давняя дружба давали право избегать обычных церемоний. – Ты не влетел бы сюда так бешено, если бы не имел важного известия для меня. Я слушаю. Впрочем, я не хочу быть неучтивым... Выпей вина, а уже после говори. Эй, Селий! Где подушки и кубок?!

Раб бегом подскочил к столу, поставил кубок рядом с кувшином и, повинуясь взгляду господина, наполнил его вином.

Нестор, спокойно расправив складки своей хламиды, уселся на расползающуюся стопку подушек и поднес к губам вино. Глоток, второй, – и вот он уже поднял взгляд на двух напряженно ожидающих его речи мужчин.

– Весть, я думаю, дурная, Пелей... – у него был глуховатый, но необычайно выразительный голос. – Мне передали через моих друзей, что живут в Спарте: Менелай приплыл из Трои... Его попытка вернуть похищенную жену провалилась. самого его едва не взяли в плен эти обезумевшие от наглости троянцы. Спасло только вмешательство старшего сына царя Приама, этого юного богатыря и, как говорят, большого умницы – Гектора... Он внушил своим мысль о том, что взять в плен мирных послов – последняя подлость. Но, как бы там ни было, Елену троянцы не вернут, а это значит, что будет война.

– О, лукавые боги! – вырвалось у Феникса.

– Я так и думал! – тихо сказал Пелей.

Нестор посмотрел ему в лицо.

– Ты знаешь, что я скажу тебе, мой царь! – он говорил очень тихо, но необычайно резко. – Ты знаешь, что может случиться... Ахилл не должен туда ехать. Он не должен участвовать в войне, что бы там ни было!

– Я знаю, – сухо проговорил Пелей и со странной улыбкой обернулся к Фениксу: – Ну, видишь, друг мой! Деидамия Деидамией, а выбора у меня нет. Ахилл отправится на Скирос!

* * *

– Вот оно как было! – проговорил задумчиво Михаил. – А ведь во всех мифологических сюжетах упоминается этот самый остров Скирос, и царь Ликомед, и его дочь Деидамия, которая стала женой Ахилла. Александр Георгиевич, а если забежать вперед... Здесь как? Он на ней женится?

Профессор Каверин в это время колдовал над составлением своей любимой сложной заварки из трех сортов индийского чая. Всякие прочие мудреные кулинарные изыски он совершенно не выносил, но это чайное священнодействие читил неизменно. Летом чай заваривался из латунного самовара, сейчас в дело был пущен суперсовременный электрический чайник, закипающий за полторы минуты. Но суть была не в этом, а именно в загадочном соединении черных рассыпчатых горстей ароматных чаинок в какой-то совершенно определенной пропорции. Пузатый чайничек-заварник был заранее разогрет и курился прозрачным паром, ожидая, когда заветное зелье будет брошено в его фарфоровое чрево и залито кипятком.

– Он женится на ней, Миша, – не поднимая головы, отозвался профессор. – Правда, ненадолго, как явствует из дальнейшего текста. Здесь отсутствуют два свитка, видимо, в них и опи-

---

¹⁴ Диоскуры – Кастор и Полидевк (в римской мифологии Кастор и Поллукс) – легендарные сыновья аргосского царя Тиндарея, братья Елены Прекрасной, знаменитые укротители коней и неразлучные друзья.

сана история пребывания Ахилла на Скиросе и его романа с коварной красавицей. В мифологии о ней фактического материала нет, так что нарисованный здесь образ особенно интересен и совершенно по-особому объясняет скоропалительную женитьбу Ахилла, в то время еще мальчика-подростка. Я совершенно уверен, что в реальной истории его пребывания у Ликомеда нет никакого переодевания. Помнишь, миф утверждает, что его переодели девушкой, дабы никто не знал, где он скрывается, и лишь хитроумный Одиссей с помощью простой уловки смог его разоблачить?.. Абсолютная глупость! Сама логика характера это исключает, не говоря уже о том, что атлетически развитого, очень рослого мальчика (вспомни – он выглядел на восемнадцать лет!) вряд ли можно было задрапировать под девицу, тем более в греческом варианте наряда... Но на крючок к Деидамии наш герой угодил, и, если мысленно восстанавливать утраченную часть текста, то, надо думать, покинул он Скирос, узнав о том, что его лучший друг Патрокл отправляется на Троянскую войну. И самое интересное, Миша: нет здесь, как я говорил, двух свитков, то есть, очевидно, истории с Ликомедом и Деидамией и появления на Скиросе послов царя Микен Агамемнона, отправленных за Ахиллом. Больше в двух свитках поместиться не могло, учитывая общую экспрессию развития сюжета. Но дальше... а дальше автор применяет литературный прием, который, как мы думали, до восемнадцатого века вообще не применяли. Он пропускает огромный отрезок времени – двенадцать лет – и разом переносит нас от завязки сюжета ко времени главных событий. Мы видим Ахилла, Патрокла, других героев повести уже в конце Троянской войны. Понимаешь?

– Понимаю! – Михаил присвистнул. – Ну совершенно современная штука!

– Абсолютно! – кипяток зашипел, устремившись в узкое жерло заварника, и по комнате растекся густой запах крепчайшего зелья, которое все приятели Александра Георгиевича величали «каверинским эликсиром». – Абсолютно современная повесть. Но написана она в двенадцатом веке до нашей эры, и с этим ничего не поделаешь! Прием переноса времени используется автором и в дальнейшем, причем он свободно манипулирует различными временными отрезками. И вот еще что интересно: новая часть повести, следующая за той, что ты читал, начинается именно от того момента, с которого начинает свою «Илиаду» Гомер. Точно с того самого!

– Ничего себе! – вырвалось у Ларионова. – И что это значит?

Каверин поставил дымящийся заварник на стол и отошел к высокому старинному буфету, чтобы достать чашки, сахарницу и вазочку с сушками. Но ощущая спиной жгучий взгляд своего аспиранта, он заговорил раньше, чем вновь повернулся к Мише.

– Есть два варианта объяснения. Первый – Гомер читал один из списков повести (я допускаю, что было несколько копий) и использовал ее за основу. В таком случае он сильно отошел от исторических событий – изложенных автором, видимо, очень точно. И второй вариант, куда более жизненный: они оба, эти два автора, почувствовали, где именно совершается завязка, где начинается собственно сюжет, с какого момента судьбы героев связываются в один трагический узел. Скорее всего, было именно так!

Профессор расставил на столе чайные принадлежности, локтем отодвинув мешающую стопку бумаг и записных книжек и отобрал у Миши рукопись.

– Читать и трапезничать одновременно – признак самого дурного воспитания. Даже если исключить возможное угощение этих бумаг индийским чаем, это просто неуважение и к читаемому, и к трапезе, и, между прочим, к собеседнику, то бишь ко мне – чай придуман для общения. Позволь тебе налить.

Миша рассеянно принял из рук Александра Георгиевича красивую темно-синюю чашку и стал усиленно крутить в ней ложечкой, хотя сахара в чай не положил. Ему было не собраться с мыслями. Он понимал, что надо бы почаевничать, да и ехать домой – Аня с малышами ждут. Но белая стопка рукописи притягивала и гипнотизировала.

Молодой человек заставил себя перевести взгляд на свою чашку, и ему тут же показалось, что в подернутой паром, будто туманом, почти черной поверхности профессорского «эликсира», как в сказочном зеркале, проступают лица и двигаются тени. Он продолжал видеть, угадывать, воображать события, описанные в найденной им повести...

Часть 2. Осада

Глава 1

Наступил полдень. На равнине пронзительные солнечные лучи жгли так отчаянно, что всякая живность исчезла с открытых мест, и даже птицы, с утра порхавшие и носившиеся над кустами с разноголосым гомоном, поутихли и деловито сновали в зарослях, отыскивая насекомых, тоже скрывавшихся здесь от жары. Только пара орлов, поднявшись высоко, неторопливо облетали свои владения.

С высоты их полета открывалась не только равнина, на которой они искали добычу, но и вся громадная бухта, и часть прилегающих к ней холмов и предгорий.

Бухта была шириною в двадцать с лишним стадиев и формой походила на сильно согнутый, готовый к выстрелу лук. В этот день море было спокойно, и вода сверкала, переливаясь рябью, как начищенные пластины воинского доспеха. Небольшие волны ласково дотрагивались до берега, лишь чуть-чуть набегая на узкий галечный пляж в южной оконечности бухты и игриво резвясь меж скалистых утесов в северной ее части.

Посреди бухты в море вдавалась довольно длинная и совершенно прямая коса. С одного взгляда было видно, что она рукотворная, созданная людьми, но не ради прихоти – грандиозная каменная насыпь, укрепленная вбитыми в дно по всей ее длине толстыми просмоленными бревнами, сверху покрытая галькой и песком, служила для двух целей: во-первых, деля бухту на две части, она разрезала морские волны и мешала им атаковать берег, и во-вторых, эта коса служила причалом – к ней могли приставать корабли. Бронзовые кольца, вделанные в окаймлявший ее поверху кирпичный поребрик, служили для крепления причальных канатов. Служили прежде – теперь возле косы не было ни одного судна, а завершавший ее маяк, сложенный из крупных известняковых плит, был наполовину разрушен, и огня на нем давно никто не зажигал.

Однако суда в бухте стояли.

С высоты орлиного полета видны были темнеющие на фоне галечного пляжа силуэты кораблей. Не меньше сотни. Но они были не на плаву – их вытащили на берег и надежно укрепили, вбив вдоль бортов колья и присыпав у килевой части камнями и галькой. С мачт сняли паруса, так что кораблям явно не скоро предстояло выйти в море. Правда, за ними следили: днища были свежепросмолены, борта очищены от песка, наносимого волнами во время особенно сильных штормов. Людей на них и вокруг них почти не было видно – вся охрана составляла десятка три воинов, в знойный полдень лениво дремавших в тени кораблей либо плескавшихся в море. Однако суда не были пусты – их темные чрева заполняли тюки и сундуки, оружие, сложенное грудами вдоль бортов и прикрытое просмоленной парусиной, бочки, от которых в жару исходил либо аромат крепкого виноградного вина, либо тонкий запах оливкового или льняного¹⁵ масла.

За береговой полосой бухты открывалась равнина, с севера тянувшаяся до самых предгорий, с юга ограниченная лесом. Она была местами гладкой, заросшей лишь густыми южными травами да иногда редким кустарником, но кое-где на ней сочными кущами клубились рощи. Из них лишь две или три выросли здесь сами, остальные насадили руки людей, тех же, кем была сложена и разделявшая бухту каменная коса. Каждая роща в давние времена была посвящена какому-то божеству, а потому в здешних местах их звали священными рощами, и в них

---

¹⁵ Льняное масло очень высоко ценилось в Древней Греции. Его использовали не только в пищу, но и как ценный лекарственный препарат.

не разрешалось рубить деревья. Тут были рощи оливковые, кипарисовые, лавровые и апельсиновые, однако за долгие годы, и особенно за последние десять с лишним лет, когда за ними перестали присматривать, ветер нанес в мягкую почву семена других растений. Теперь среди траурной темноты кипарисов светлели ветви олеандров и земляничника, пестрели их яркие цветы, в блестящую листву лавра вторгались резные листочки маленьких подростков-дубков, среди олив и апельсинов росли дикие вишни и кизил.

С северной стороны равнину пересекала не слишком широкая, но полноводная и быстрая река – Скамандр. Она текла с гор и впадала в море у самой северной оконечности бухты, образуя своим устьем глубокий мелкий лиман.

Прежде равнина сплошь зеленела травами и кустами, но сейчас вся ее центральная часть представляла собою почти голую, вытопанную землю. Тысячи человеческих ног из года в год топтали ее, по ней прокатывали, грохоча, боевые колесницы, стрелы и копья вонзались в нее, и густая человеческая кровь проливалась и проливалась, делая землю еще плодороднее и жирнее, однако весной травы едва успевали кое-где пробиться сквозь пыль и грязь, как их снова сминали и затаптывали. Люди, уничтожая друг друга на этой земле, стирали с нее и все прочее, что могло бы на ней жить.

Двенадцатый год здесь длилась война.

Те, кто приплыл на кораблях, вросших в узкий пляж большой бухты, разбили лагерь вдоль равнины, с юга, со стороны окаймлявшего ее леса. Вернее, они устроили не один лагерь, а несколько – на расстоянии двух-трех стадиев друг от друга располагались группы военных шатров. В центральном, самом большом из лагерей, шатров было около двадцати, в других – меньше, и везде ощущалась жизнь. Чернели пятна костровищ – ночью, даже когда было очень тепло, караульные разводили большой огонь, помогавший видеть местность вокруг, и дежурили с разных сторон группами по двое-трое. Днем воины, устроившись в тени палаток, чистили доспехи и оружие, готовили еду, играли в кости или дремали. Иные прятались от зноя внутри шатров.

Одежда и вооружение говорили о том, что в разных лагерях живут люди из разных мест – у них различались между собою доспехи, луки и копья, разным был их выговор, хотя несомненно все они говорили на одном языке.

То были ахейцы, некогда приплывшие сюда с царем Микен Атридом Агамемноном и его братом Атридом Менелаем, чтобы наказать город Трою и дерзких троянцев за невиданное и невероятное оскорбление – похищение троянским царевичем Парисом Елены, жены Менелая. Спартанцы и итакийцы, локрийцы, абанты, афиняне, аргивяне – все жители полуострова Пелопоннеса, окрестных с ним земель и островов. Все, чьи цари некогда давали роковую клятву помогать тому, кого в день их общего сватовства изберет своим мужем своенравная дочь царя Спарты лучезарная Елена, – все привели к берегам Троады свои корабли и привезли сюда своих воинов. И вот уже одиннадцать с половиной лет осаждали неприступную Трою...

За равниной, там, где начинались заросшие лесом холмы, плавно переходящие в предгорья, высились могучие стены великого города.

Троя была выстроена так удачно, что ее не только невозможно было взять приступом – тому мешала окружавшая город на всем протяжении стена, высотой в двенадцать локтей, сложенная из громадных камней, – но нельзя было и окружить сплошным кольцом осады. Во-первых, слишком велика была общая протяженность ее стен, так что рассредоточить вокруг нее войско было бы слишком опасно, и, во-вторых, с запада городская стена вдавалась на некрутом склоне холма в лес. Здесь троянцы стерегли подступы к городу особенно зорко, и отсюда, через небольшие западные ворота в город проникали обозы со съестными припасами, ночами пастухи с дальних лесных пастбищ пригоняли коз и овец, союзничавшие с Троей варвары привозили вина и масло. Иногда эти обозы нарывались в лесах на засады ахейцев, и тогда торговцы,

не раздумывая, бросали свое добро и скрывались – царь Трои Приам платил достаточно щедро, и небольшие потери их не пугали, они стремились только уйти живыми.

Но осада была тем не менее страшна для Трои. Город, объединивший под своим началом всю огромную Троаду и подчинивший себе все окрестные царства, постепенно терял свое влияние и могущество. Союзные Трое города и области были за эти годы разрушены и разграблены ахейцами, влияние троянского царя на соседние государства слабело. Год от года истощалась, казалось бы, неистощимаая троянская казна, самая богатая во всей Азии...

А сколько героев и воинов пало за годы войны! Сколько раз надевали все троянцы, от царской семьи до последнего раба, темно-синие траурные одежды... Из четырнадцати сыновей царя Приама и царицы Гекубы в живых осталось только пятеро, девять царевичей один за другим погибли в битвах. Гибли и ахейцы. Уже не один десяток погребальных курганов вырос вдоль моря и на равнине, и это при том, что отдельных курганов удостоивались только базилевсы и знатные воины, прах простых воинов подхоранивали к одному из общих захоронений. Кроме боевых потерь урон ахейской армии уже трижды наносили тяжелые болезни, которые косили воинов десятками. Приехавший с ними лекарь Махаон не знал азиатских болезней и не умел составлять снадобья от них.

...Орлы несколько раз облетели равнину, но зверье попряталось от зноя, а сражений в это утро и накануне не было, и птицы не увидели для себя добычи. Тогда так же медленно и плавно они направили свой полет к лесу, не рассчитывая что-нибудь увидеть под кронами деревьев, но помня, что в лесу много полян и прогалин, речек и ручейков, которые в знойные часы особенно любят лани и косули. Эти чуткие и осторожные животные слышали любой шорох, и редкий зверь мог бесшумно подобраться к ним в лесных зарослях. Но полет орла бесшумен, а живущие в лесу звери редко смотрят вверх... И раз так, цари птиц вполне могли надеяться на добычу.

Глава 2

Солнечные лучи, беспощадно выжигавшие равнину, почти не проникали сквозь густые своды чащи, что начиналась почти сразу за одной из священных рощиц. Здешние места были богаты растительностью, и пышность этих лесов восхищала всякого, кто видел их. Тут во множестве росли дубы, чьи широченные кроны составляли как бы верхнюю часть богатого шатра. Много было в этом лесу лиственниц и пихт, от которых в жаркие дни исходил пьяный аромат, будто их текучая смола забродила под тонкой корой, как виноградный сок. Среди этих прекрасных деревьев то тут то там попадался земляничник, в это время года скинувший со стволов кору. Росли здесь и вязы, иные из которых своими сильными кронами догоняли высокие кроны дубов. Иногда попадались пришельцы с гор – роскошные кедры.

Нижнюю часть лесного шатра составляли кустарники – олеандр и шиповник, багульник, дикая слива и вишня, иногда попадался кизил. Как во всяком южном лесу, здесь царствовали лианы и вьюны, и хотя до крон дубов и вязов они не доставали, внизу все было ими оплетено, и запах их цветов – а цвели они почти все, сливался с ароматом пихтовой и лиственничной смолы, с густым запахом кедров. Сотни диких пчел, как золотые искорки, мелькали среди этого зеленого великолепия, их жужжание вместе с невероятным ароматом леса дурманило и усыпляло.

В одном месте чаща расступалась. Ее рассекал широкий ручей, скорее даже речка, прозрачная, легкая и быстрая. Она замедляла свое течение лишь ненадолго, там, где упавшее поперек русла дерево образовало естественную запруду. За долгие годы вода вырыла глубокую яму, так что получилось настоящее озерцо, в нем даже цвели водяные лилии.

Пятнистый косуленок подошел к запруде, остановился, наклонившись, и вместо того, чтобы пить, уставился на себя в воду, хлопая большими пушистыми ушами. Что за зверь смотрит на него из воды? Не опасен ли он?..

Однако из чащи тут же появился зверь много опаснее. Огромное животное, выскочившее почти бесшумно из-за завесы кустов, могло показаться волком, если бы не слегка изогнутый пышный хвост, несколько иная форма морды и золотистый, очень необычный цвет густого меха. Это была собака, вернее, полусобака-полуволок – громадный, сильный и свирепый зверь. Косуленок повернулся, попятился, дрожа всем тельцем, дернулся, собираясь бежать. Он не пробежал бы и десятка шагов на своих смешных растопыренных ножках – страшный пес уже изготовился к броску. И тут из леса прозвучало коротко и повелительно:

– Тарк, стой!

Пес замер уже почти в прыжке. Его ощеренная пасть, в которой тускло блистали устрашающих размеров клыки, закрылась, опала вздыбленная на загривке шерсть. Он отвернулся от малыша, которого уже считал своей добычей, с таким равнодушным видом, будто внезапно решил, что косуленок несъедобен...

– Молодец, Тарк, хорошо!

Из леса показался тот, кому так беспрекословно подчинился могучий зверь. Человек и собака были под стать друг другу. Хозяин Тарка был громадного роста, настоящий великан. Смуглый, почти обнаженный (на нем были лишь сандалии да набедренная повязка), он выглядел сказочным лесным божеством. При широченных плечах и груди у него была довольно узкая талия, а ноги, хотя и мощные, отличались длиной и пропорциями, которые можно увидеть обычно лишь у статуй, созданных скульпторами с целью преувеличить красоту естества. Благодаря этому ни огромный рост, ни переливающиеся под кожей богатыря несокрушимые мышцы не делали его тяжеловесным. Он был взрослым мужчиной, лет двадцати пяти, но выглядел юношей.

– Мы найдем другую добычу, Тарк, – сказал он псу, провожавшему взглядом косуленка, который торопливо трусил к зарослям. – Такого маленького жалко, верно? Помнишь, как ты сам был маленьким, помнишь, да? Не выкорми тебя мы с Патроком, и пропал бы. Тебя бы тоже кто-то съел!

Говоря так, человек скинул надетый на плечо лук, снял колчан со стрелами, усевшись на мягкий мох, расшнуровал сандалии, отбросил их и встал, снимая набедренную повязку и собираясь окунуться в прохладную воду запруды. Вода была будто зеркало, и он, как недавно косуленок, увидел себя всего, с ног до головы. Совершенство отраженного в озерце мужского тела изумило его. Он словно забыл, что смотрит на себя самого.

Наконец охотник расхохотался, мотнув головой, украшенной целым облаком черных волос, блестящих и волнистых, хотя в последнее время он мыл их почти всегда лишь холодной водой.

– Фу, да я с ума сошел!.. Уставился на себя самого, как Нарцисс¹⁶ какой-то... Что значит много лет не видеть себя в зеркале... Вот бы мирмидонские воины увидели своего великого Ахилла в такой момент! Уж точно решили бы, что ими командует помешанный...

И, продолжая смеяться, он кинулся в воду, сразу разбив волшебную гладь зеркала и взметнув множество брызг, которые лучи солнца, проникавшие сквозь кроны дубов и вязов, на мгновение превратили в драгоценные камни.

Искупавшись, Ахилл выбрался на берег и растянулся среди мха и травы. Тарк, поняв, что они пока никуда не уходят, тоже бросился в воду и плавал довольно долго, а затем выскочил с другой стороны запруды, устремился в заросли и выбрался оттуда с какой-то крупной птицей в зубах, которая еще трепыхалась, хотя зубы пса уже перервали ей глотку.

– Это кого ты? – Ахилл приподнял голову. – А, лесного петуха, удода. Ешь, я тебе разрешаю – не больно-то они вкусны. И мне хочется самому настрелять дичи.

Пес опустил добычу в траву, и его пасть раскрылась в гримасе, которую трудно было назвать иначе, как улыбкой. Он отлично понял слова хозяина и с удовольствием принялся за еду, хрустя тонкими птичьими костями и ловко выплевывая пестрые перья.

– Тебе немного надо! – прошептал Ахилл, полузакрыв глаза и подставляя мокрое лицо мечущимся взад-вперед солнечным зайчикам. – Какой же ты счастливый! И какой же я дурак...

Его лицо, только что почти безмятежное, вдруг исказилось. Гнев и боль проявились в глазах, в судорожной гримасе рта, в алом румянце, внезапно проступившем сквозь природную смуглоту и усилившем ее густой южный загар.

К этому времени, к середине двенадцатого года Троянской войны, Ахиллу было немногим более двадцати пяти лет. Он был почти в полном расцвете, и его сила, еще в детские годы поражавшая и пугавшая всех, теперь вызывала уже не изумление, а трепет у своих и непреодолимый ужас у врагов. Легкий и стремительный, прозванный между ахейцами «быстроногим Ахиллом», он был искуснейшим воином, одинаково владевшим мечом и копьем, умевшим разить с колесницы и в пешей схватке. Даже самые бесстрашные отступали перед ним на поле боя, потому что битва с ним означала смерть, и все это знали.

Множество подвигов совершил великий Ахилл за годы войны, как ему и предсказывали. Но вот уже более полугода он не участвовал в сражениях. Его жестокая, едва не закончившаяся кровью ссора с Атридом Агамемноном привела к тому, что боевое преимущество ахейцев над троянцами исчезло. Осмелевшие защитники города не раз уже выходили из-за городских стен и вызывали пришельцев на бой, и чаще всего Атридово войско с трудом избегало полного разгрома и несло большие потери.

---

¹⁶ Нарцисс – в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, однажды влюбившийся в свое отражение. Он сутками смотрелся в воду, которая его отразила, и боги в конце концов обратили его в красивый цветок, растущий возле водоемов.

Ахилл наблюдал за всем этим со стороны, испытывая отчаяние и чувствуя себя опозоренным и обманутым...

Все началось с того, что Агамемнону вздумалось однажды принести жертвы в единственном троянском храме, стоявшем за пределами городских стен. Храм Аполлона Троянского, покровителя города, белый, стройный, окруженный буйно цветущими гранатами и олеандрами, сверкал на высоком холме, к югу от городской стены. Прежде жрецы приходили сюда в дни больших праздников, а теперь не приходили вовсе, опасаясь встречи с ахейцами. И только верховный жрец сребролукого бога Хрис упорно не считался с опасностью и по-прежнему жил в небольшом домике рядом со святилищем. Он отпустил своих рабов в Трою, и с ним оставались только старая жена и внучка, дочь погибшего в самом начале войны сына. Ее звали Хрисеида. Вот эту-то Хрисеиду и увидел верховный базилевс ахейцев, могучий Агамемнон, придя с дарами для великого бога в его храм...

Хрисеиде исполнилось шестнадцать лет, она была маленькая, легкая и вся светлая, как лепесток водяной лилии. Она почти всегда улыбалась, и ее улыбающееся личико с ямочками на щеках и золотистыми брызгами веснушек привело в восторг микенского царя. Не рассуждая долго, он принес жертвы, вернулся в лагерь и послал своих воинов захватить прелестную внучку жреца и привести в его шатер.

Воины-микенцы испугались – кому же хотелось навлечь на себя гнев самого Аполлона? Но Аполлон был все же дальше, чем Агамемнон, и уж его-то гнев они не раз на себе испытывали...

Старый Хрис явился в шатер царя тем же вечером, умоляя вернуть ему девушку, не позорить его седины, не оскорблять священного звания жреца. Он клялся, что отдаст за Хрисеиду богатый выкуп: сам Хрис был беден, но царь Приам, конечно, не пожалел бы для него богатых даров из троянской казны. Однако взбешенный Агамемнон выгнал старика, сказав, что еще оказывает ему честь, беря его внучку в наложницы.

И тогда старик, уже в совершенном отчаянии, пришел к шатру Ахилла.

Он слышал от самих же троянцев, что беспощадный в битвах герой слывет справедливым и великодушным по отношению к слабым, и что он – единственный, к чьим словам может прислушаться своевольный Агамемнон...

Так вот все и случилось. Гневное обращение Ахилла к верховному базилевсу сперва привело того ярость. Но просто так отказать Ахиллу не посмел даже гордый Атрид. Он обещал подумать, а до поры не посягать на чистоту внучки старого жреца.

На другой день в лагере началась новая вспышка непонятной болезни, от которой еще год назад умерло не меньше двух сотен человек, и Ахилл тут же заявил Атриду в присутствии других царей, что это – кара оскорбленного Аполлона. Возможно, герой так и не думал, но он был вне себя от жалости к старику и к хрупкой девушке, которую не раз видел в храме и к которой питал своеобразную нежность, как к маленькому, беззащитному и доверчивому зверьку.

– Будь же по-твоему, дерзкий! – закричал Атрид, видя, что и другие цари всерьез верят в слова Ахилла о мести Аполлона и уже осуждают его. – Ты, посмевавшийся ставить мне условия, на этот раз своего добьешься – я верну малышку старому болтуну... Но мне нужна юная и красивая наложница, и у меня она будет! В Фивах ты захватил для себя прехорошенькую девчонку, у нее, кажется, и имя похожее – Брисеида, что ли... Так вот – я забираю ее себе!

Как сумел Ахилл сдержаться, как не изрубил Атрида мечом? Ничего бы тот не поделал против его неимоверной силы и его быстроты!.. То ли помешал его верный друг Патрокл, схвативший его за руку и твердивший, что нельзя поддаваться порыву безумия? То ли слова итакийского базилевса Одиссея, сказавшего, что этот раздор погубит всю армию, отрезвили сына Пелея? Так или иначе, он ушел, в неистовом гневном взмахе меча перерубив сразу два толстых столба шатровой опоры, так что богатый шатер повис тряпкой над головами царей...

Уже с порога молодой базилевс обернулся и бросил:

– Я не унижусь до того, чтобы драться из-за пленницы, хотя она мне очень дорога, дороже многих боевых трофеев... Забирай ее, надменный царь. Но даю слово, а своего слова я не нарушал еще никогда... Скорее река Скамандр, что течет через эту равнину, попрет вспять, чем я снова стану сражаться на твоей стороне. Воюй теперь без меня!

Глава 3

– Ты здесь, Ахилл? Ага, и Тарк здесь! А я искал тебя в гроте.

И Патрокл, выйдя из зарослей в том месте, где недавно исчез пятнистый косуленок, кинул на землю сумку и сам уселся в траву рядом с другом.

За прошедшие годы Патрокл Менетид почти совершенно не изменился.

У него было такое же округлое лицо с высоким лбом и твердым подбородком, те же вьющиеся каштановые с золотистым отливом волосы, такие же серые глаза, веселые и смеющиеся, будто он не жил двенадцать лет на войне, среди смерти, страха и злобы. Даже веснушки еще оставались на его щеках и переносице, только теперь их было меньше, и они стали почти не видны на фоне густого загара.

Патрокл, как и Ахилл, был в одной набедренной повязке и тоже с луком через плечо.

– Я купался, – сказал Ахилл, улыбнувшись другу. – И тебе советую – освежись. А потом пойдем в грот и перекусим. Только я еще ничего не настрелял.

– Я подстрелил четырех диких голубей и кролика, в сумке – лепешки, молоко и мед. А в роще я сорвал несколько апельсинов – они уже зрелые. Нам хватит.

– Отлично! – Ахилл перевернулся со спины на бок и выловил из полуоткрытой сумки апельсин. – А молоко откуда? Ты был в каком-то селении?

– Что ты! – Патрокл добродушно рассмеялся. – Во-первых, поблизости их не осталось, а во-вторых, я не рискую, подобно тебе, бродить в одиночку по окрестностям и заходить в троянские поселки. Это Хрисеида принесла нам молока – большой кувшин притащила. И лепешки тоже от нее, у нас в лагере таких мягких и ароматных никто не печет.

– Сумасшедшая девчонка! – воскликнул Ахилл, хмурясь. – Который раз уже приходит, искушает судьбу... Мирмидонцы, конечно, не посмеют ее тронуть, но мало ли, на кого можно нарваться... Вот пойду в храм и скажу ее деду, чтобы следил за ней получше!

Патрокл достал еще один апельсин и, не торопясь чистил его, складывая кожурки на загрибок лежащего рядом Тарка, который косил на них янтарным глазом и втягивал острый аромат, чуть шевеля кожаным коричневым носом. Ему не очень нравилось развлечение одного из хозяев, но он любил Патрокла и терпел от него подобные ребячьи шалости.

– В храм сходить вообще-то неплохо было бы, – заметил Патрокл, надкусывая апельсин и выплевывая косточки. – Мы давно с тобой не были в храме. А Хрис, я думаю, знает, что девушка сюда ходит. Он тоже тебе благодарен и уверен, что в твоём лагере с ней не случится ничего плохого. И... Знаешь, Ахилл, она, должно быть, в тебя влюбилась!

– А ну тебя! – махнул рукой базилевс, резко отворачиваясь. – Опять эти твои песни... Тебя послушать, так в меня все женщины влюбляются, какие только ни есть.

– А что, это не так разве? – лукаво улыбнулся Патрокл. – Еще хорошо, что здесь нам редко приходится иметь с ними дело, братец! А уж Хрисеида, та точно попалась! Мало того, что ты ее спас, так ты еще и из вражеского стана. А знаешь, как женщины обожают влюбляться наперекор судьбе – вот нельзя любить, не полагается, так она как раз и влюбится!

– Выдумщик ты и болтун, дорогой мой! – усмехнулся Ахилл, бросая апельсиновые корочки в воду и следя, как тихое в берегах запруды течение медленно сносит их к плотине. – Не знаю я ничего такого, я вообще не знаю женщин, кроме Деидамии, моей бывшей жены, но тогда я был слишком молод, чтобы не сказать мал, и ни в чем не успел разобраться. Еще знаю наших рабынь, но они, сам понимаешь, не в счет, потому что любят меня по обязанности... Да и ты знаешь чуть больше меня, между прочим: ну, мне было тринадцать, тебе семнадцать, когда мы уехали на войну – много ли ты успел?

– Успел кое-что! – скромно потупясь, заметил молодой человек. – Вот жениться не успел, не в пример тебе, а что до прочего... Нет, нет, женщины иногда, верь мне, неплохи. Хрисеида мне очень нравится.

– Вот ты и посватайся к ней! – воскликнул Ахилл. – Кстати сказать, с чего ты взял, что она приходит в лагерь из-за меня? А может, из-за тебя, а? Ступай к старику-жрецу и скажи, что готов взять его внучку в жены. А что? Это будет первая свадьба в нашем лагере!

– Мне нельзя на ней жениться, – с самым серьезным видом возразил Патрокл. – У нее веснушки, у меня веснушки, что же за дети получатся? И потом, как жениться, если она тебя любит? Тебя, тебя, это же видно!

– Пошел ты к лягушкам в болото! – фыркнул Ахилл.

Мгновенно вскочив, он вдруг подхватил Патрокла под мышки, и тот, не успев даже ахнуть, плюхнулся в воду посреди запруды, продолжая ошалело сжимать в зубах дольку апельсина.

– Потрясающее доказательство правоты! – проговорил он, нырнув и вынырнув, уже без дольки – под водой он ее проглотил. – Обожаю купаться в сандалиях... Братец, а на что ты так рассердился? Только на то, что еще одна женщина в тебя влюблена? Но не я же виноват в этом!

– Я не рассердился! – Ахилл тоже прыгнул в воду и окатил друга целой пригоршней воды. – Просто надоело слушать о девушке, из-за которой все это случилось... Мы можем смеяться сколько нам угодно, но мой позор при мне, и кому, как ни тебе это знать, Патрокл!

– Это не твой позор, – молодой человек стал серьезен. – Это позор Агамемнона, как, впрочем, и все остальное... Из-за одной вздорной женщины он притащил сюда всех царей Пелопоннеса и его окрестностей и кучу простого народа, которому до этой женщины дела нет и не было, теперь из-за другой женщины оскорбил тебя, это при том, что стольким тебе обязан... И вот мы проигрываем сражения, да, да, сам знаешь, мы их не раз и не два уже едва не проиграли, мы терпим позор, потому что, из-за чего бы ни началась война, но ее все равно ведь надо выиграть, раз уж так случилось... А этот индюк не может переломить себя и попросить у тебя прощения!

– Перестань! – воскликнул Ахилл сердито. – Перестань меня злить. Ну и речи у тебя... Прямо, как у спартамца Терсита!

– Куда мне до него! – рассмеялся Патрокл. – Если бы боги наградили меня таким даром красноречия, я стал бы поэтом, а не воином. Терсит подбирает такие словечки и выражения, что не хочешь, а засмеешься. Или лопнешь от злости, что и происходит с нашими Атридами каждый раз, когда кто-то из них узнает о Терситовых насмешках. Менелай уж не раз клялся, что открутит ему башку, и, уверяю тебя, братец, когда-нибудь да открутит!

С этими словами он выскочил из воды и уселся на траву, по очереди снимая и отряхивая сандалии.

– И, возможно, правильно сделает, хотя и не пристало царю и великому воину связываться с болтунишкой... – Ахилл, в свою очередь, выбрался на берег запруды, выплюнул в траву апельсиновые косточки и потянулся за вторым апельсином. – Терсита иные из простых воинов считают смелым и называют чуть ли не разоблачителем всех пороков. Только я-то вижу, чего он стоит! Ему совершенно все равно, кого разоблачать, а вернее, на кого лить грязь – лишь бы пообиднее да пошумнее. Ну, будь он хотя бы сам лучше... А то ведь трус и кривляка! В бою его не видно, зато после боя, когда другие перевязывают раны, он бежит по лагерю и обсмеивает всех и каждого, а базилевсов – больше всех! Зависть его заедает, что ли?

– Думаю, не без этого, – Патрокл поднялся, снял набедренную повязку, старательно отжал и снова надел. – И зависть тоже. Иногда и мне хочется влить ему затрещину, братец! Особенно хотелось третьего дня, когда мы едва не потеряли большую часть кораблей, когда Гектор, как свирепый тигр, гонялся за нашими воинами, чуть не загнал нас в море, поджег три корабля, когда только бесстрашие Одиссея и Диомеда спасло нас от разгрома и когда потом,

после всего, что мы пережили, этот вертун Терсит принялся изображать, как мы убегали и прыгали с кораблей!

– И ты не задал ему трепку?! – в голосе Ахилла прозвучала такая ярость, что Патрокл пожалел о своей горячности, – И ты... А, да что там! Если бы я мог вмешаться, Гектор дорого заплатил бы за эту вылазку... Кстати, Патрокл, Одиссей говорил мне, что не он и не Диомед, а ты был главным героем этого боя, и корабли были спасены главным образом благодаря тебе.

– Я думаю, он немного преувеличивает, я думаю, – молодой человек тоже взял второй апельсин, подкинул высоко вверх и ловко поймал. – Может, я виноват перед тобой, что сражаюсь, когда ты в ссоре с царями, но...

– Я сам говорил тебе, что ты абсолютно прав! – резко прервал друга Ахилл, – И хватит об этом в самом деле...

– В самом деле, хватит! – подхватил Патрокл. – Ну что же, идем в наш грот? Я хочу пообедать, а не грызть апельсины, да и Тарк, вон, уже облизывается на мою сумку – чует кролика...

– Пошли, – Ахилл встал и тоже намотал на бедра свою повязку.

Грот, о котором они говорили, находился в локтях в двухстах от ручья и запруды, где друзья купались, и, кроме них двоих, о нем не знал ни один человек: им не хотелось, чтобы их сокровенное убежище, место отдыха и дружеских бесед, посещал кто-то еще.

Примерно за год до этого времени Ахилл охотился в лесу. Преследуя дикого поросенка, он выскочил на небольшую поляну, в конце которой высился старый бук, когда-то, во время сильной бури, накренившийся и застывший с распластанной над землей кроной, с полувывороченными корнями, от которых уже много лет росли в разные стороны молодые побеги. Дерево окружали густые заросли кустов, в которых и скрылся испуганный поросенок. Ахилл бросился следом – и неожиданно для себя провалился в пустоту... Поднявшись с мягкого мха и сухих листьев, он обнаружил, что находится в маленькой пещере, образованной, как он потом разглядел, приподнятым корневищем старого бука и выросшей вокруг землей. Кусты плотно закрывали отверстие грота, но внутри было достаточно светло: меж корнями осталось немало небольших отверстий, в которые проникал свет. С одной стороны в земляную стену грота вдавался замшелый камень, сверху весь покрытый трещинами, сквозь которые сочилась вода. Чистая, родниковая, она крохотными струйками сбегала по камню, по выточенным на его боку светлым бороздкам, и убегала под землю, не оставляя на полу грота ни ямки, ни лужицы. Грот был совсем невелик: в нем могли поместиться человек пять, не больше.

Ахиллу очень понравилось это убежище. На другой день они пришли сюда с Патроком и с тех пор бывали тут часто.

– Готово! – Ахилл ножом разгреб золу, разрезал спекшиеся и обугленные листья водяной лилии и, ловко наколов кончиком ножа румяную тушку кролика, перекинул ее на плоскую ивовую плетенку, где уже лежали только что снятые с вертела жареные голуби. – О, как вкусно пахнет!

– Замечательно! – согласился Патрокл. – Но еду нужно не нюхать, а есть.

Некоторое время друзья молча поглощали мясо, закусывая лепешкой и по очереди прихлебывая молоко из красивого глиняного кувшина, длинногорлого, покрытого зеленой глазурью с нанесенными на нее фигурками нимф и каких-то загадочных птиц.

– У троянцев все красивое... – Патрокл приподнял кувшин так, чтобы на него сквозь одно из отверстий в стене грота упал свет. – Самые простые вещи они делают с любовью. Наверное, среди них много музыкантов и поэтов. А ведь как странно! Мы здесь двенадцатый год, и ничего почти не знаем о них...

– Кроме того, что они умеют нас убивать! – усмехнулся Ахилл, беря у друга кувшин и отпивая молоко. – Что тебе до троянцев, Патрокл? Мне не интересны негодяи, которые оскорбляют законы гостеприимства и гадают в чужом доме!

– Но это сделал Парис! – возразил Патрокл, оделяя Тарка костью с изрядным куском мяса. – Ведь не все троянцы такие. Уверен, что Гектор никогда бы подобного не сделал.

– Наверное, ты прав. Этот не похож на трусливого вора. Но он все равно враг, верно? И третьего дня из-за твоей безумной отваги он едва тебя не убил, дорогой мой! Сколько он уже уложил наших воинов!

– Не больше, чем мы с тобою его родни, братец! – улыбнулся Патрокл. – Ты-то уж точно больше... Гектор страшен, это верно, но мне он интересен. В нем есть что-то великолепное, что-то очень настоящее, как... как в тебе.

– Ну, спасибо за сравнение! Ты мне польстил!

Ахилл усмехнулся и вновь поднял кувшин к губам. Капли молока упали на его смуглую грудь, попали на колено, и лежавший вплотную к нему Тарк осторожно слизнул большим розовым языком белые брызги.

Молодые люди вновь замолчали. Они иногда могли молчать часами и не потому, что им не о чем было говорить. Просто каждый так хорошо знал другого, что иной раз они вели беседы без слов, угадывая, словно прочитывая друг у друга мысли. И в этот раз Ахилл вдруг ответил не на слова Патрокла, а на родившуюся у того мысль.

– И если я не примирюсь с Агамемноном и не вернусь на поле сражения, это будет стоить слишком дорого... Мы останемся в Троеде еще на долгие годы, и самые отважные найдут здесь смерть. Я же понимаю это, не думай! Но не могу... Не могу, Патрокл!

Это мучительное восклицание вырвалось у героя уже против воли, и он тут же отвернулся, хотя понимал, что Патрокл видит его состояние, даже когда его лицо скрыто тенью.

– Это не ты с ним должен примириться, а он с тобой, – голос Патрокла прозвучал неожиданно жестко, и его всегда спокойные серые глаза остро блеснули и погасли. – Виноват он, Атрид Агамемнон, а не ты, и пускай все будет, как есть, пока...

– Пока Гектор, который тебе так интересен, не разнесет наш лагерь пеплом по равнине! – зло проговорил Ахилл. – А я не умру от моего позора. Ф-фу! Сидеть в шатре и прислушиваться к звукам сражения! И это мне-то, которого называют величайшим из воинов! Я сам себе противен!

– Придумать бы какой-то выход... – проговорил Патрокл задумчиво. – Я давно думаю. Но у меня ничего не получается – не хватает, видно, умишка. Поговори-ка с Одиссеем. Этот придумает все, что хочешь.

– То-то он и придумал идиотскую клятву женихов Елены, из-за которой мы все здесь оказались! – Ахилл рассмеялся коротко и резко, поперхнулся и с трудом откашлялся. – Где тогда был его хваленый ум?

Патрокл вдруг расхохотался.

– Спроси лучше, где был мой ум, когда я шестнадцати лет от роду, царь не царь, а просто вздорный мальчишка – без царства, без богатства, без блестящих надежд на будущее, вздумал свататься к лучезарной Елене, из-за которой лучшие воины и герои готовы были друг друга перерезать! Это каким же надо было быть самовлюбленным и самонадеянным болваном, какое иметь совершенно дурацкое тщеславие?! Все посватаются, а я нет – надо же! И ты ведь тогда смеялся надо мной! Ты-то в двенадцать лет был умнее... Э-э-э, братец, куда нам кого-то укорять! Мне-то уж, во всяком случае...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.